

А. В. КОПЫСТЯНСКІЙ.

65

U $\frac{453}{424}$

804-14
2370

**ВОЗМОЖНО-ЛИ
ОТДѢЛЕНІЕ УКРАИНЫ
ОТЪ РОССІИ.**

РОСТОВЪ НА ДОНУ,
Типографія А. И. Теръ-Абрамянъ.
1917.

Государственный
оформлен
Библиотека СССР
В. И. Ленина

СОДЕРЖАНИЕ

15107-47

- I. Россия—русское государство.—Единство русского народа: а) въ антропологическомъ, б) въ религиозномъ, в) въ лингвистическомъ отношеніяхъ.—Общее имя „Русь“.—Малороссия и Великороссия въ ихъ историческомъ взаимоотношеніи.—Духовное объединеніе Малороссіи съ Великороссіей стр. 3
- II. Горькое разочарованіе малорусскаго населенія.—Санктъ-Петербургскій періодъ русской исторіи.—Духовный развалъ русской интеллигенціи 18 и 19 ст.—Польское заселеніе въ Малороссіи подъ русскимъ владычествомъ.—Нѣмецкое заселеніе въ Малороссіи.—Безотрадное положеніе малорусскаго населенія.—Горе народа въ его пѣсняхъ.—Мечта о самостоятельной Малороссіи стр. 14
- III. Польская ягайловская идея и Малороссія.—Сочувственное отношеніе поляковъ къ украинскому движенію.—Галичина—Пьємонтъ украинской идеи.—Русское прогрессивное общество и украинское движеніе.—Академія Наукъ по украинскому вопросу.—Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Миллюковъ и украинское движеніе стр. 20
- IV. Общій взглядъ на украинскій вопросъ.—Спасеніе Россіи въ возвратѣ къ русской народности.—Национальное русское знамя.—Освобожденіе Прикарпатской Руси—дѣло всего русскаго народа.—Переносъ столицы въ Кіевъ—„мать русскихъ городовъ“.—Областная автономія.—Народная работа на широкихъ демократическихъ началахъ стр. 45

„Боже, утверди. Боже, укрѣпи,
чтобы мы во вѣки были едины!
(Переяславльская Рада 1654 г.)

I

Россія — Русское Государство.

Хотя Россія отличается чрезвычайной пестротой племенного состава, однако, главное ядро населенія составляют русскіе. Ихъ насчитывается около $\frac{2}{3}$ всего населенія, т. е. 65, 3⁰/₀, следовательно, около трети (34, 7⁰/₀) падаетъ на народности не русскія. Въ виду того, что эта треть многоязычна (около 140 народностей) и, въ случаѣ возстановленія польскаго государства, процентъ не русскіхъ народностей значительно понизится, такъ какъ придется исключить еще 9 милліоновъ поляковъ, т. е. 6⁰/₀, сравненіе Россіи по ея этнографическому составу съ лоскутной Австро-Венгріей не выдерживаетъ строгой критики. Россія, вслѣдствіе преобладающаго большинства русскіхъ, представляетъ собою, несомнѣнно, русское государство. Этотъ непререкаемый фактъ весьма удачно поясняетъ И. Н. Манасѣинъ*) сравненіемъ изъ оптики. „Если взять одинъ какой нибудь цвѣтъ, — напримѣръ, синий, — на двѣ трети и прибавить одну треть другого цвѣта — скажемъ, краснаго — получится смѣшанный составной цвѣтъ (въ помѣ примѣръ — фіолетовый). Но если къ двумъ такимъ одного синяго — цвѣта прибавить одну треть изъ разныхъ цвѣтовъ, которая сама по себѣ въ суммѣ сѣрый (безразличный цвѣтъ, то отъ

*) И. Н. Манасѣинъ. Къ вопросу объ установленіи альпійской границы на западѣ Россіи. Спб. 1913 стр. 11.

присоединенія этой трети сѣраго цвѣта къ двумъ третямъ синяго цвѣта получится въ общемъ итогѣ все же синій цвѣтъ”.

Итакъ, ядромъ россійскаго государства является русскій народъ, который, несмотря на нѣкоторыя воплоти естественныя различія, дающія поводъ къ научному подраздѣленію на малороссовъ, великороссовъ и бѣлороссовъ, какъ въ антропологическомъ, такъ въ лингвистическомъ отношеніи составляетъ одно цѣлое.

Единство русскаго народа.

а) въ антропологическомъ отношеніи. Въ отдаленныя времена вся почти восточно-европейская равнина, начиная съ сѣвера вплоть до Кіева, была занята финскимъ племенемъ. Когда съ Карпатъ на эту территорію славяне, между славянской и финской расами установилось смѣшеніе и объединеніе, результатомъ котораго является русская народность. „Антропологическое изслѣдованіе живого контингента современнаго русскаго народа—говоритъ проф. И. А. Сикорскій ¹⁾—открываетъ тотъ же фактъ, что въ составъ населенія Россіи входятъ частью индивидуумы чисто финскаго типа, частью чисто славянскаго, частью же смѣшаннаго типа—изъ обонхъ. Татарская и монгольская примѣсь является въ видѣ ничтожныхъ вкрапленій по мѣстамъ и по своей, такъ сказать, случайности и незначительности, нисколько не нарушаютъ чистоты и очевидности главнаго основнаго финско-славянскаго состава. Отъ Архангельска до Таганрога и отъ Люблинскаго Холма до Саратова и Тамани живетъ одна и та же (въ главныхъ чертахъ) русская народность. Въ малорусскомъ населеніи тотъ же племенной составъ, что и въ великорусскомъ, съ незначительнымъ только перевѣсомъ славянскаго

¹⁾ Проф. И. А. Сикорскій. Русскіе и Украинцы. (Глава—изъ этнологическаго катехизиса) Кіевъ 1913 стр. 11—13.

элемента надъ финскимъ. Этимъ антропологически, т. е. по своей породѣ и природѣ, исчерпывается все русское населеніе европейской Россіи. Украинцевъ здѣсь нѣтъ! Ихъ нѣтъ ни въ живущихъ экземплярахъ, ни въ кладбищномъ населеніи, нѣтъ ни на землѣ, ни подъ землей. Если бы черепъ украинца взятый съ кладбища въ Россіи или Украинѣ, дади въ руки любому антропологу, онъ бы призналъ черепъ просто за русскій“.

б) въ религіозномъ отношеніи. Однимъ изъ крѣпкихъ узъ, связывающихъ русскій народъ, является православная вѣра. Ее исповѣдуетъ русскій народъ на протяжении своей тысячелѣтней исторической жизни. Православная вѣра сплелась такъ тѣсно съ русскою народностью, что часто еще нынѣ, особенно въ западныхъ окраинахъ, она отождествляется съ русскою народностью. Въ теченіе вѣковъ были попытки расколотъ русскій народъ въ религіозномъ отношеніи, но исторія нагляднымъ образомъ свидѣтельствуетъ о томъ, что церковную, іезуитскую унию можно было насадить только путемъ обмана и насилія. Этой идеей, по большей части ради своихъ личныхъ выгодъ, соблазнились только верхніе слои русскаго народа, для народной же массы идея церковной униіи всегда была чуждой. Во всѣхъ областяхъ, въ которыхъ падала польская власть, одновременно быстро исчезала униа. Остатки униіи еще сохранялись въ Галичинѣ. Но и тутъ всегда жила традиція православія, на что указываетъ довольно сильное православное движеніе до войны, принявшее, въ особенности въ нынѣшнюю освободительную войну, характеръ стихійнаго явленія.

в) въ лингвистическомъ отношеніи. Наиболѣе яркимъ и существеннымъ показателемъ національной особенности является языкъ. Фактъ цѣлости и единства русскіхъ нарѣчій (малорусскаго, бѣлорусскаго и великорусскаго) въ смыслѣ принадлежности ихъ къ одной діалектической группѣ, считается въ современной наукѣ истиной, не требующей доказа-

тельство. Известный знатокъ И. И. Срезневскій говоритъ слѣдующее о русскомъ языкѣ и его нарѣчійхъ: „Давни, но не ископони черты, отдѣляющія одно отъ другого нарѣчій, сѣверное и южное—великорусское и малорусское; не столь уже давни черты, разрознившія на сѣверѣ нарѣчій восточное—собственное великорусское и западное—бѣлорусское; а на югѣ нарѣчій восточное—собственно малорусское и западное—карпатское; еще новыя черты отличія говоровъ мѣстныхъ, на которые развилось каждое изъ нарѣчій русскихъ. Конечно, всѣ эти нарѣчія и говоры остаются до сихъ поръ только оттѣнкомъ одного и того же нарѣчія и ни мало не нарушаютъ своимъ несходствомъ единства русскаго языка и народа. Ихъ несходство вовсе не такъ велико, какъ можетъ показаться тому, кто не обращаетъ вниманія на разнообразіе мѣстныхъ говоровъ въ другихъ языкахъ и нарѣчійхъ, напр. въ языкѣ итальянскомъ, французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ, въ нарѣчій хорутанскомъ, словацкомъ, серболужицкомъ, польскомъ.¹⁾ Въ такой же категорической формѣ высказывается по этому вопросу также А. И. Соболевскій. „Русскій народъ—читаемъ въ его лекціяхъ²⁾—какъ въ антропологическомъ, такъ въ лингвистическомъ отношеніяхъ представляетъ единое цѣлое. Исторія русскаго языка, отличающагося вообще значительнымъ консерватизмомъ (сравните исторію языковъ чешскаго и болгарскаго) за много вѣковъ не дала ничего такого, что разрушило бы единство русскаго языка. Онъ дѣлился на говоры издавна съ тѣхъ временъ, когда у насъ еще не существовало никакой письменности, онъ дѣлится на нарѣчія и говоры теперь подобно тому, какъ дѣлится на нихъ всякій языкъ, имѣющій сколько-нибудь значительную территорію, но эти нарѣчія и говоры, имѣя

¹⁾ И. И. Срезневскій. Мысли объ исторіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій. Изд. 2-е Спб. 1889 стр. 34—35.

²⁾ А. И. Соболевскій. Лекція по исторіи русскаго языка. Изд. 2-е Спб. 1891 стр. 1—12.

другъ отъ друга отличія въ фонетикѣ, морфологiи и лексикѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ такое множество общихъ чертъ, что русскiй типъ языка вполне сохраняется въ каждомъ изъ нихъ; онъ выступаетъ въ нихъ настолько ясно, что не можетъ быть вопроса относительно ни одного изъ нихъ, не слѣдуетъ ли его считать говоромъ не русскимъ, а напримѣръ, польскимъ или словацкимъ. Если есть полное основанiе видѣть въ современномъ русскомъ языкѣ одинъ языкъ, то объ единствѣ древне-русскаго языка, напримѣръ, XI вѣка, когда различiе между русскими говорами не было сколько-нибудь значительно не можетъ быть даже и вопроса. Вслѣдствiе этого мы излагаемъ не исторiю отдѣльныхъ русскихъ нарѣчiй и говоровъ, а исторiю всего русскаго языка¹⁾.

Извѣстный заграничный ученый, академикъ И. В. Ягичъ, взаимныя отношенiя русскихъ нарѣчiй опредѣлялъ слѣдующимъ образомъ: „Что всѣ русскiя нарѣчiя въ отношенiи къ прочимъ славянскимъ языкамъ (кому не нравится выраженiе „нарѣчiе“ можетъ замѣнить его словомъ „языкъ“—въ наукѣ это—второстепенное дѣло) составляютъ одно цѣлое, отличающееся многими замѣчательными чертами внутреннего единства, это для языковѣдовъ не представляетъ спорнаго вопроса“²⁾.

Немудрено, что при такихъ выводахъ научныхъ изслѣдованiй бессильнымъ чувствуетъ себя даже столбъ современнаго украинскаго движенiя, М. Грушевскiй³⁾, который на этотъ важный вопросъ умѣлъ найти только ловкiй и уклончивый отвѣтъ: „Если филологи спорятъ о томъ, самостоятельны ли языкъ составляютъ украинскiе диалекты или

¹⁾ Archiv für slavische Philologie 1898. Bd. XX I. 33. „Dass alle rüssischen Dialecte gegenüber den übrigen slavischen Dialecten—wem der Ausdruck Dialect nicht gefällt, kann dafür Sprache sagen, in der Wissenschaft ist das Nebensache—ein Ganzes bilden, mit vielen merkwürdigen Zügen, einer inneren Einheit ausgestattet, das bildet unter Sprachforschern keine Streitfrage“.

²⁾ М. Грушевскiй. Очеркъ исторiи украинскаго народа. Стр. 14—15.

только нарѣчіе русскаго языка, обнимающаго также диалекты великорусскіе и бѣлорусскіе, то это собственно споръ болѣе формальный, споръ о словахъ; понятія языка и нарѣчій—понятія относительныя и едва ли можно установить, какіе количественныя и качественныя признаки даютъ группѣ говоровъ право на титулъ самостоятельности языка. Гораздо существеннѣе—и здѣсь не можетъ быть спора, что группа украинскіхъ говоровъ представляетъ отдѣльный, болѣе или менѣе самостоятельный лингвистическій типъ, связанный известными чертами, объединяющими разнообразіе украинскіхъ говоровъ въ одно цѣлое—все равно назовемъ ли его языкомъ или нарѣчіемъ*.

Общее имя „Русь“. Историческимъ и національнымъ именемъ, какъ для великороссовъ, такъ для малороссовъ было и осталось до сихъ поръ имя „Русь“, „русинъ“, „руснакъ“, „русскій“. Самъ М. Грушевскій доказываетъ, что это имя вышло изъ „Украины“, т. е. Кіевской земли, слѣдовательно историческія права на это имя имѣютъ прежде всего малороссы. „Отсюда несомнѣнно вышло имя Руси, хотя мы и не можемъ удовлетворительно объяснить его происхожденія. Древнѣйшіе источники прилагаютъ имя „Русь“ специально къ землѣ Полянъ, названіе „русина“ къ полянамъ, хотя съ образованіемъ Кіевского государства это имя прилагалось также въ болѣе широкомъ смыслѣ, и къ цѣлому этому государству и ко всему восточному славянству, входившему въ составъ „Русскаго государства“¹⁾. За предѣлами русскаго государства имя „Русь, русинъ, русскій“ для своего національнаго самоопредѣленія сохраняетъ еще до сихъ поръ та часть малорусскаго населенія, заселяющаго Галичину, Буковину и Угорскую Русь, которая волею судебъ еще не вошла въ составъ русскаго государства. Первые двигатели національнаго возрожденія Галицкой Руси въ 1830 годахъ, какъ Марціанъ

¹⁾ Мих. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа—стр. 125.

Шашкевичъ, Яковъ Головацкій и Иванъ Вагилевичъ, начиная свою народную работу, особенно сильно подчеркивали свое русское происхождение.

Руска мати насъ родила,
Руска мати насъ повила,
Руска мати насъ любила;

Буковинскій поэтъ, Исидоръ Воробкевичъ, въ своемъ стихотвореніи „Що старый Прутъ каже“, тоже употребляетъ имя „Русь“:

Смажи-жь намъ, Пруте престарый,
Ты знаешь не одно,
У тихъ прекрасныхъ сторонахъ
Хто проживавъ давно?
Струями Прутъ намъ каже такъ:
„Тутъ зъ поковику живъ
Тотъ сынъ, що матіръ Русь свиту
Надъ все, надъ все любивъ“.

Имя „Русь, русинъ, русскій“ въ зарубежной Руси такъ глубоко вошло въ сознание народной массы, что вырвать его изъ употребленія не смогли ни вѣковой гнетъ со стороны Польши и Австріи, ни новѣйшія попытки украинской партіи. Этому факта не могутъ отрицать даже самые видные представители современнаго украинскаго движенія. „Я напоминаю еще разъ — пишетъ Грушевскій¹⁾, что въ Галиціи удержалась и доселѣ традиція русскаго имени, и тутъ и поляки и русины называютъ „русскими“ языкъ и племя украинское (въ отличіе отъ великорусскаго или россійскаго)“. Видный украинскій политическій дѣятель въ Галичинѣ, Лонгинъ Цегельскій, считалъ безнадежной попытку навязать населенію Галичины имя „украинскаго“ вмѣсто „русскаго“. Въ наданной во Львовѣ въ 1907 году брошюрѣ, на поставленные себѣ вопросы: „что же дѣлать намъ, галичанами? Отбросить ли намъ цѣлкомъ слово „Русь, русинъ“ и принять имя „Галицкая Украина“ и „галицкіе украинцы“, чтобы име-

¹⁾ М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа — стр. 427.

немъ не отличаться отъ 30-милліоннаго закордоннаго нашего народа", авторъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Нѣтъ! Мы галичане не находимъ возможнымъ отказываться отъ имени „Русь и русинъ“, такъ какъ употребляя въ словѣ и въ письмѣ эти названія, мы знаемъ хорошо, что эти слова обозначаютъ то же самое, что „Украина“ и „украинецъ“. Мы знаемъ, что „Русь,“ и „Украина“, то все одно, что то одна і та сама земля, такъ само якъ „Русины“ и „Украинці“, то один и той же народъ“¹⁾.

Неумолчная историческая и настоящая действительность заставила убѣжденнѣйшихъ украинцевъ употреблять въ Галичинѣ имя „Русь“, хотя они старались всякими способами убѣдить населеніе въ томъ, что употребляемое имъ имя „русскій“ принадлежитъ исключительно малороссамъ. Наведенные нами факты свидѣлствуютъ о томъ, что малороссы, не только пронесли черезъ свою тысячелѣтнюю исторію свое національное имя „русскій“ и стойко и крѣпко сохраняли его по сей день, но онъ даже претендуетъ на первенство въ правѣ называться русскимъ и въ этомъ отказываетъ великороссамъ. На этотъ споръ изъ-за имени „русскій“ между южанами и сѣверянами еще въ 1830 г. обратилъ вниманіе Ю. Венелинъ. „Весь русскій народъ—такъ какъ онъ есть нынѣ, по огромности своей (удивительная вещь!) раздѣлился только на двѣ вѣтви (между тѣмъ, какъ другіе народы распались на многія отрасли); этихъ вѣтвей иначе назвать нельзя, какъ только по мѣстоположенію. Сѣвровою и Южною Русью или, иначе, Сѣверянами и Южанами. Главное условіе раздѣленія одного и того же огромнаго народа на двѣ вѣтви было во взаимномъ постепенномъ уклоненіи въ языкѣ. Это уклоненіе называется нарѣчіемъ; отсюда нарѣчіе сѣверное и южное. Такъ только понять то и другое можно; такъ только то и другое называть должно“. Далѣе Венелинъ отмѣчаетъ, что каждая изъ вѣтвей признаетъ русскою въ

¹⁾ Лонгин Цегельскій. Звідки ваяли ся и що значат назви „Русь“ і „Украина“? Львів 1907.

сущности только себя. „По убѣжденію московскаго престолюдина, малороссъ уже не русскій, а полякъ, или хохолъ, или литва, или казакъ, или украинецъ, или что-либо похожее, словомъ, онъ не свой. Точно также южане, въ свою очередь, не допускаютъ сѣверянъ участвовать въ россизмѣ, какъ ни называй себя русскимъ, все-таки онъ не русинъ, а москаль, липованъ или кацапъ. По мнѣнію южанъ, настоящая Русь простирается только до тѣхъ предѣловъ, до коихъ живутъ южане, а все прочее Московщина“.¹⁾ Этотъ споръ изъ-за имени Руси между южанами и сѣверянами напоминаетъ намъ споръ между двумя родными братьями, которому изъ нихъ принадлежитъ право носить фамилію отца. Безпристрастный судья, опираясь на фактическія данныя, не могъ бы вывести другого рѣшенія, какъ только признавая право въ фамиліи за однимъ и другимъ. Къ такому же логическому заключенію долженъ прийти каждый здравомыслящій человѣкъ при рѣшеніи вопроса, кому принадлежитъ имя „Русь, русскій“, южанамъ или сѣверянамъ.

Малороссія и Великороссія въ ихъ историческомъ взаимоотношеніи.

Сознаніе единства русскаго народа получило свое развитіе вслѣдствіе общей исторической жизни какъ малороссовъ, такъ великороссовъ. Въ началѣ возникновенія русскаго государства не существовало понятія „Малороссія“ и „Великороссія“; былъ одноцѣльный русскій потокъ, который развивался во все стороны, становясь все глубже и глубже. Лишь въ XIII ст. нашествіе татаръ, а вслѣдъ затѣмъ поляковъ и литовцевъ, временно разбило одноцѣльный русскій потокъ на два рукава. Большая часть русской земли, такъ называемая „Великороссія“, нашлась подъ игомъ татарской орды. Въ продолженіе двухъ столѣтій она точила мечъ, которымъ оконча-

¹⁾ Ю. Венелингъ. О спорѣ между Южанами и Сѣверянами на счетъ ихъ россизма. (Шпыньт т. III, стр. X).

тельно испровергла татарское иго и въ концѣ XV столѣтія получила полную независимость. Въ худшемъ положеніи очутилась юго-западная и западная Русь. Дальше вѣсѣхъ южно-русскихъ земель Галицко-волинское княжество сохранило свою политическую независимость. Въ началѣ XIV ст. галицко-волинскій князь Юрій I титудуетъ себя въ одной грамотѣ (*dux totius Russiae Minoris*) князь всея Малой Руси. Подъ этимъ названіемъ (*т джердъ 'Русія*) Малая Русь, константинопольскіе патріархи стали разумѣть всю южную Русь, въ противоположность Великой Руси—Московской.

Судьба Малой Руси известна. Она вошла частью въ составъ литовскаго, частью же польскаго государства. Бывшій центръ русской земли Кіевъ, естественнымъ образомъ, сталъ окраиной польскаго государства. Гоненія и преслѣдованія, каковымъ подверглось малорусское населеніе въ предѣлахъ Польши, въ религіозномъ и экономическомъ отношеніяхъ, вызвали рядъ казацкихъ возстаній, средоточіемъ которыхъ явились окраины польскаго государства, „Украина“, т. е. Кіевская Русь. Послѣдствія казацкихъ, народныхъ возстаній, отразились на судьбѣ не только польскаго государства, но и всей восточной Европы. Народный герой Богданъ Хмельницкій повернулъ колесо исторіи опять въ сторону политическаго объединенія Руси. На Переяславльскій радѣ состоявшейся въ 1654 г. и проложившей путь къ созданію нынѣшней великой Россіи, громко прозвучалъ могучій народный кличъ къ единенію, сдѣлавшійся путеводной звѣздой въ развитіи новѣйшей русской исторіи: „Боже, утверди, Боже, укрѣпи, чтобы мы во вѣки были едино!“ Прошло одно столѣтіе и послѣдствія постановленій Переяславльскаго рады сказались во всемъ своемъ объемѣ. Польское государство пало, на его развалинахъ выросла могучая Россія. Почти все малорусскія земли вернулись на лоно матеря-Руси. Одна только Прикарпатская Русь (Галичина, Буковина и Угорская Русь), по неблагопріятнымъ политическимъ обстоя-

тельствамъ, еще до сихъ поръ не дождалась своего освобожденія, замѣнявъ польское иго австрійскимъ владычествомъ.

Духовное объединеніе Малороссіи съ Великороссіей.

Съ воссоединеніемъ Малой Руси съ Великой Русью, разорванный одноцѣльный потокъ русской жизни опять вошелъ въ одно глубокое русло и названія „Малороссія и Великороссія“ нынѣ имѣютъ только историческое значеніе. Представители Южной Руси („Кіевско-Могилянская Коллегія, Мелетій Смотрицкій, Эпифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Степанъ Яворскій, Дмитрій Митрополитъ Ростовскій и др.) сыграли важную роль въ духовной русской жизни и, смѣло можно сказать, что въ выработкѣ общаго литературнаго языка участвовала вся этническая Русь. Самымъ яркимъ выразителемъ сліянія малорусской и великорусской нѣтвей въ духовномъ творчествѣ всего русскаго народа является Н. В. Гоголь. Онъ писалъ въ 1844 г. въ письмѣ къ А. О. Смирновой слѣдующее: „Скажу вамъ одно слово на счетъ того, какая у меня душа, хохлацкая или русская, потому что это, какъ я вижу изъ письма вашего, служило въ одно время предметомъ вашихъ разсужденій и споровъ съ другими. На это вамъ скажу, что я самъ не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская. Знаю только то, что никакъ бы не далъ преимущества ни малороссіянину передъ русскимъ, ни русскому передъ малороссіяниномъ. Обѣ природы слишкомъ щедро одарены Богомъ и какъ нарочно, каждая изъ нихъ порознь заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ въ другой,—ивный знакъ, что онѣ должны пополнять одна другую. Для этого самыя исторіи ихъ прошедшаго быта даны имъ непохожія одна на другую, дабы порознь воспитались различныя силы ихъ характеровъ, чтобы потомъ, слившись воедино, составить собою нѣчто совершеннѣйшее въ человѣчествѣ“¹⁾).

¹⁾ Петровъ. Очерки исторіи украинской литературы. XIX 201. Кіевъ, 1884.

Авторъ известной статьи „Двѣ русскія народности“, Николай Костомаровъ, въ 1861 г. писалъ слѣдующее: „Ни великоруссы безъ малоруссовъ, ни послѣдніе безъ первыхъ не могутъ совершать своего развитія. Одни другимъ необходимы; одна народность дополняетъ другую и чѣмъ строитѣе, уравнительнѣе, взаимодѣйственнѣе будетъ совершаться такое дополненіе, тѣмъ нормальнѣе пойдетъ русская жизнь. Шевченко, какъ поэтъ народный, чувствовалъ это и уразумѣлъ, и оттого то его понятія и чувства не были никогда, даже въ самыя тяжелыя минуты жизни, осквернены ни узкою, грубою неприязнью къ великорусской, народности ни донкихотскими мечтаніями о мѣстной политической независимости: ни малѣйшей тѣни чего-нибудь подобнаго не проявлялось въ его поэтическихъ произведеніяхъ“¹⁾.

Наступила черна хмара—настала
шея сива
Була Польша, була Польша, та
стала Россія.

II.

Горькое разочарованіе малорусскаго населенія.

Поднявъ возстаніе противъ польскаго владычества и добровольно присоединяясь къ Великороссіи, населеніе юго-западной Руси стремилось освободиться отъ польскаго господства и соціального гнета, чтобы вмѣстѣ съ остальнымъ русскимъ міромъ, въ рамкахъ своего русскаго государства, найти болѣе подходящія условія для своей національной жизни. Въ борьбѣ за поправные свѣтлѣйшія какъ національныя, такъ религіозныя чувства, закалилась русская стихія въ Малороссіи. Вѣковой чужеземный гнетъ вызвалъ не только физическій отпоръ, проявившій-

¹⁾ Н. Костомаровъ. Воспоминаніе о двухъ маларахъ. Основа 1861 IV стр. 53.

ся въ казацкихъ войнахъ и гайдамацкихъ возста-
 нияхъ, но встряхнувъ до глубины народную душу,
 способствовалъ развитію и углубленію національна-
 го русскаго самосознанія. „Что и щирій „малорос-
 сіянинъ“, и теперь, какъ прежде и буду даже до смер-
 ти,—писалъ 1850 г. Максимовичъ къ Погодину—
 это очень естественно; и не отъ рода варяжска, а
 отъ малороссійскаго,—и люблю Малороссію, люблю
 языкъ ея народа, и пѣсни его, и его исторію, какъ
 во времена княжескія, отъ Аскольда до Симеона,
 такъ во времена гетманскія, отъ Лянцкоронскаго до
 Разумовскаго. Что я люблю нашъ первопрестоль-
 ный Кіевъ больше, чѣмъ ты, это такъ естественно,
 ибо, питая къ нему любовь общерусскую, и ближай-
 шую къ нему любовь малороссійскую, я люблю его
 еще какъ родину моего рода; тамъ на горахъ, ле-
 жать кости пращѣда моего, и его пращѣда, Максима
 Печерскаго. У меня и теперь болитъ сердце, когда
 читаю въ Кіевской лѣтописи „и грабиша за два
 дни весь градъ, подоле и гору и монастыри“. Мнѣ
 досадно и на всѣхъ послѣдующихъ разорителей Кі-
 ева“¹⁾).

Измученное и матеріально обнищавшее, но съ
 закаленной въ тяжелыхъ страданіяхъ русской ду-
 шей, и съ великими задатками единенія, населеніе
 почти всей Малороссіи (безъ Прикарпатской Руси)
 вошло въ составъ Россіи. Русское правительство
 обязано было предоставить просторъ для этого сти-
 хійнаго тяготѣнія народной массы къ единенію, не
 только путемъ внѣшняго присоединенія Малороссіи,
 но прежде всего заботой о томъ, чтобы устранивъ
 всѣ причины недовольства народной массы подъ
 польскимъ владычествомъ и, обласкавъ наболевшую
 въ теченіе вѣковъ народную душу, способствовать
 скорѣйшему духовному объединенію двухъ еще не-
 давно политически разобщенныхъ отраслей русскаго
 народа. Однако, малорусское населеніе, дождавшись
 своего политическаго воссоединенія съ Россіей, же-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова т. III
 стр. 71.

стоко было обмануто въ своихъ надеждахъ и испытало горькое разочарованіе. „Мы, какъ любить выразаться нынѣ—пишетъ Н. Аксаковъ,—купили малороссійскія земли, цѣною русской крови, но купивши цѣною крови высшее обладаніе, мы за очень дешевую цѣну (цѣну похваль нашей гуманности, космополитизму и либерализму) уступили нравственное обладаніе надъ ними Польщѣ, польскому элементу... Край, въ продолженіе вѣковъ силою своихъ русскихъ элементовъ тяготѣвшій къ Россіи, по присоединеніи къ Россіи, ополчился такъ, какъ въ продолженіе вѣковъ не могли ополчить его поляки“.

Въ чемъ причина этого неудачнаго поворота историческихъ событій?

Санктъ-Петербургскій періодъ русской исторіи.

Возсоединеніе Малороссіи съ Великороссіей происходило въ то время, когда послѣдняя въ своемъ внутреннемъ развитіи станула на распутьѣ, приведшемъ окончательно къ переносу столицы въ Петербургъ. Петръ В. хотѣлъ непосредственно сблизить Россію съ Западной Европой, но дѣло, вопреки душевнымъ его пожеланіямъ, вышло иначе. Сквозь прорубленное окно ворвалась въ Россію широкая струя иностранныхъ вліяній, которая вполнѣ заполонила русскую душу, оторвавъ ее отъ русской народной почвы. Въ русской исторіи начался 200-лѣтній Петербургскій періодъ, ознаменовавшійся полнымъ разрывомъ русскихъ верховъ и народныхъ низовъ и продолжавшійся почти до нынѣшней великой войны. Русская интеллигенція, выросшая и воспитанная въ этотъ послѣдній Петербургскій періодъ исторіи Россіи подъ вліяніемъ Западной Европы, переживаетъ настоящую духовную трагедію.

Духовный развалъ русской интеллигенціи XVIII и XIX вѣковъ.

Яркую характеристику русской интеллигенціи въ нынѣшнее время далъ проф. Ключевскій: „Это люди воспитанные на иностранный ладъ, у нихъ

нѣтъ отечества; въ русской жизни они относятся съ величайшимъ презрѣніемъ уже потому, что не знаютъ ея, никогда ея не видѣли". Причину такого уродливаго явленія въ русской жизни проф. Ключевскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „русская дѣйствительность создавалась безъ всякой связи съ западно-европейскими идеями; русскія народныя понятія текли не изъ тѣхъ источниковъ, изъ которыхъ вытекаютъ идеи французской литературы. Русский человѣкъ вращался въ русской дѣйствительности, на его плечахъ тяготѣли факты русскаго прошлаго, отъ которыхъ онъ нигуда не могъ убѣжать, ибо эти факты находились въ немъ самомъ, а умъ его былъ наполненъ содержаніемъ совсѣмъ другого происхожденія, заимствованнымъ совсѣмъ изъ другого міра. Это очень неестественное положеніе. Обыкновенно общество и отдѣльныя лица, вращаясь среди внѣшнихъ явленій и отношеній, для оцѣнки ихъ имѣютъ и свои понятія и чувства, но эти понятія и чувства, родственны по происхожденію съ окружающими явленіями и отношеніями. Значитъ въ каждомъ, правильно сложившемся міросозерцаніи факты и идеи должны имѣть одно происхожденіе и только при такомъ родствѣ могутъ помогать другъ другу... Русский образованный умъ съ XVIII ст. сталъ въ трагикомическое положеніе: онъ зналъ факты одной дѣйствительности (русской) и виталъ идеями иноземными. Вотъ когда зародилась умственная болѣзнь, или умственный недостатокъ, который, если угодно, тяготѣеть потомъ надъ цѣлымъ рядомъ поколеній, если мы только не признаемся, что онъ тяготѣеть и надъ нами. Недостатокъ этотъ заключается въ томъ, что наши идеи не имѣютъ ничего общаго съ нашими наблюденіями. Мы знаемъ свои явленія, но обобщенія, которыя мы знаемъ, взяты изъ другихъ явленій: мы знаемъ русскіе факты и не русскія идеи... Непониманіе дѣйствительности всегда развивалось въ болѣе горькое чувство, въ отвращеніе къ непонятной русской дѣйствительности. И чѣмъ успѣшнѣе русскій умъ усваивалъ себѣ чужія идеи, тѣмъ скорѣе

нѣ и непригляднѣе казалась ему своя дѣйствительность. Она была такъ непохожа на міръ, изъ котораго выросли его любимыя идеи, онъ никакъ не могъ примириться съ родной обстановкой и ему ни разу не пришло въ голову, что долженъ улучшить эту обстановку упорнымъ трудомъ, чтобы приблизить ее къ любимымъ идеямъ; что идеи только цвѣтъ, украшеніе, которое является результатомъ упорнаго труда поколеній. Почувствовавъ отвращеніе къ родной дѣйствительности, русскій образованный умъ почувствовалъ себя одинокимъ въ мірѣ. У него не стало почвы: та почва, на которой онъ стоялъ, совсѣмъ не давала ему такихъ цвѣтовъ; а образованный человѣкъ не зналъ, куда дѣться. Тогда имъ овладѣла та космо-политическая безпредѣльная скорбь, которая такъ пышно развивалась въ нашей интеллигенціи XIX вѣка.. Ни идеи, ни практическіе интересы не призывали ихъ къ родной почвѣ. Русскій человѣкъ старался стать своимъ между чужими, а только становился чужимъ между своими: въ Европѣ въ насъ видѣли переодѣтаго по европейски татарина, а въ глазахъ своихъ онъ казался переодѣтымъ французомъ² 1).

Польское засилье въ Малороссіи подъ русскими владычествомъ.

Неудивительно, что русская интеллигенція, подъ вліяніемъ западно-европейской культуры порывавшая связь съ народными низами, всегда въ теченіе XIX ст. весьма чутко относилась къ страданіямъ чужихъ народовъ. Но въ то же время, во имя космополитическихъ идей, она приносила въ угоду инородцевъ насущные интересы своего многомилліоннаго русскаго населенія. При такомъ положеніи вещей въ политически освобожденной отъ польскаго владычества Малороссіи въ теченіе 70-ти лѣтъ, съ 1793—1863, прекрасно чувствовали себя

¹⁾ Цитирую изъ брошюры Вл. Волжанина, В. Ф. Дивизе, С. Д. Смирнова. О національной школѣ. Сборникъ статей. Петроградъ, 1916.

только бывшіе господа поляки и новые гости—нѣмцы, которыхъ русское правительство любезно пригласило для заселенія „освобожденных“ малорусскихъ земель. Началось мирное завоеваніе Малороссіи поляками и нѣмцами при содѣйствіи русскаго правительства. Уже Павелъ Петровичъ на всемъ пространствѣ присоединенныхъ областей далъ силу литовско-польскому законодательству и даже дозволилъ собирать сеймики для выбора, вмѣсто предводителей дворянства, маршаловъ и другихъ чиновныхъ людей. Вопреки стихійному стремленію русскаго населенія къ переходу изъ уаи въ православіе, онъ возстановилъ униатскую епископію, но притомъ онъ не далъ униатамъ ни митрополита, ни самостоятельнаго управленія, а подчинилъ ихъ управленію устроенной тогда римско-католической коллегіи. Въ это центральное управленіе, которому подчинены были униаты, Павелъ не допустилъ никого изъ униатовъ. Этимъ рѣшеніемъ униаты не только отдавались во власть латинянъ, но осуждались на переходъ въ латинство ¹⁾. Такую же политику продолжалъ вести его сынъ, Александръ I. Въ 1803 г. образованъ былъ виленскій учебный округъ изъ 8-ми губерній (виленской, витебской, гродзинской, минской, моголевской, кievской, подольской, и волынской), т. е. изъ областей присоединенныхъ отъ Польши при раздѣлахъ послѣдней. До 1823 г. попечителемъ этого округа состоялъ личный другъ имп. Александра I, князь Адамъ Чарторыйскій, ревизоромъ же училищъ въ губерніяхъ: кievской, подольской и волынской, былъ другъ попечителя Тадеушъ Чацкій. Въ Кременцѣ состоялось въ 1805 г. открытіе классической гимназій, переименованной въ 1819 г. въ лицей. Какъ далеко шла колонизація Малороссіи посредствомъ школы, свидѣтельствуетъ о томъ фактъ, что когда во время польскаго возстанія 1831 г. полученъ былъ указъ о закрытіи лицей, тамъ не нашли ни одного ученика: все ушло въ

¹⁾ М. Козловичъ. Исторія воссоединенія западно-русскихъ униатовъ старыхъ временъ. СПБ. 1873 стр. 398.

повстанцы. Въ уманскомъ училищѣ кievской губерніи учителя-поляки учили, что Россія — за Днѣпромъ, а здѣсь Украина, населенная особой вѣтвью польскаго народа — украинскою¹⁾. Такимъ образомъ съ утвержденіемъ русской власти казацкіе и гайдамацкіе бунты уже перестали пугать поляковъ. Казаки превратились въ надежную стражу польскихъ — панскихъ резиденцій. Панско-казацкій виршеслагатель Ф. Падура пѣлъ въ 1-ю четверть XIX ст.: „Не бойтесь людскія дѣти, пейте вино у стола, теперь можно вамъ сидѣть, какъ подъ крыломъ ангела“. При такихъ обстоятельствахъ польскіе поэты, конечно, воспѣвали Украину въ своихъ стихотвореніяхъ. Въ то время, когда Украина для коренного русскаго населенія была адомъ, для польскаго поэта, Богдана Залескаго, она была лучше рай.

„Boze Izami modle siebie

Jak imge, daj mi Ukraine wniebie“!

Нѣмецкое засилье въ Малороссіи. Превосходно чувствовали себя также новые гости — нѣмцы, которые, по любезному приглашенію русскаго правительства въ XVIII и XIX в.в., какъ вороны налетѣли на Малороссію. Нѣмецкая колонизація Новороссіи открылась манифестомъ Екатерины II 4 декабря 1762 г., колонизація же юго-западнаго края (кievской, волынской и подольской губ.) продолжается съ 1791 года. Изъ-за границы двинулся въ Россію, по выраженію Клауса, вселенскій сбродъ: пьяницы, дѣтля, однимъ словомъ, отбросы человечества. Лишь съ 1804 г. правительство рѣшило принимать колонистовъ съ выборомъ. Находясь въ привилегированномъ положеніи, нѣмцы въ теченіе одного столѣтія захватили самыя лучшія земли, сдѣлавъ русскихъ крестьянъ своими батраками. Достаточно вспомнить, что нынѣ въ Херсонской губерніи около 90 десятинъ приходится на одну нѣмецкую семью, между тѣмъ, какъ наше коренное русское населеніе должно довольствоваться часто одною или двумя

¹⁾ Стороженко „Кievлянинъ“ 1911 г. Н. 320.

десятинами на душу. На островѣ Хортиці, гдѣ когда то была Запорожская Січъ, уничтоженная Екатериною II въ 1775 г., теперь нѣмецкая колонія и слышна почти исключительно нѣмецкая рѣчь. Тамъ на Хортиці въ 1788 году поселились менониты ¹⁾, отказывающіеся нести военную службу, а потомки Тараса Бульбы превращены въ безземельныхъ батраковъ. Это, понестій, трагическое положеніе коренного русскаго населенія ярко обрисовалъ Т. Шевченко въ своемъ „посланіи до живыхъ и мертвыхъ“.

А на Січи мудрый нѣмецъ
Картопельку садить;
А вы сі купуете
Й істе на здоровье
Тай славите Запорожье...
А чією кровью
Отъ та земля напоена
Що картоплю родить?
Вамъ байдуже, абы добра
Була для городу.

Но нѣмцы не ограничились только матеріальной эксплуатаціей малорусскаго забытаго и забитаго населенія, но начали развращать народную душу, распространяя шундизмъ и опѣмечивая безпомощное русское населеніе. На эти ненормальныя отношенія въ Малороссіи, русское образованное общество совершенно не обращало вниманія. Оно не имѣло даже яснаго представленія о томъ, что такое Малороссія—польская-ли или русская земля. Правда, при Николаѣ I провозглашено господство т. н. „официальной русской народности“, но при этой „официальной народности“ легко и привольно чувствовали себя только инородцы, русскіе же люди страдали тяжело, нерѣдко съ горькой ироніей высказывавшіе пожеланіе „быть произведенными“ въ нѣмцы. Русскіе чиновники обязаны были стоять на стражѣ русскихъ интересовъ въ юго-западномъ краѣ, но, какъ говорить Н. С. Аксаковъ, „рѣдкій начальникъ и, въ

¹⁾ Ив. Ив. Сергѣевъ. Мирное завоеваніе Россіи нѣмцами. Спб. 1917 г. стр. 10.

особенности, начальница въ западномъ краѣ могла устоять противъ ежедневнаго натиска польскихъ просьбъ и домогательствъ, предъявляемыхъ панами—грабнями и грабницами—большою частью на французскомъ языкѣ, съ приемами настоящихъ Европейцевъ: да вообще извѣстное дѣло, что русскій, когда говорить о Россіи по французски, чувствуетъ себя отрицательнѣе отъ національныхъ предразсудковъ, будто выше народнаго пристрастія, ощущаетъ себя будто въ общеніи съ всею интеллигенціей человѣчества и относится къ своему русскому, какъ то извѣстнаго, свисока, со стороны—дѣлается, однимъ словомъ, податливѣе въ охраненіи русскихъ интересовъ. Французскія просьбы польскихъ пановъ не могли, разумѣется, не превѣшивать грубаго давленія бѣло-русскаго просищаго народа ¹⁾).

Лишь польскія возстанія въ 1830 и особенно въ 1863 г. заставили русское общество вспомнить о томъ, что Кіевъ и Малороссія всетаки не польскій, но русскій край. Драгомановъ рассказываетъ, что на студенческой сходкѣ въ Кіевѣ въ 1860 г., одинъ украинецъ сказалъ: „исторія показываетъ, что здѣшній край не Польша“—на что студентъ полякъ воскликнулъ: „не исторія, а Устряловъ“. Восклицаніе было покрыто аплодисментами поляковъ, которые заглушили замѣчаніе другого украинца: „не одна исторія, а и статистика“ ²⁾. Лишь въ 1909 г. въ Россіи вспомнили о томъ, что существуетъ Холмская Русь и послѣ многихъ мытарствъ, наконецъ выдѣлили ее изъ состава царства Польскаго. Только въ 1914 г. подъ громъ пушекъ русское общественное мнѣніе паткнулось на Зарубежную, Прикарпатскую Русь. „Открытіе“ Прикарпатской Руси было настолько неожиданнымъ, что еще до сихъ поръ въ Россіи сомнѣваются въ дѣйствительности этого факта, несмотря на то, что милліонная русская

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова т. III, стр. 75.

²⁾ Драгомановъ. Историческая Польша и великорусская демократія. стр. 62.

армія многократно вдоль и поперек исколесила всю Прикарпатскую Русь (Буковину, Галичину и Угорскую Русь) и нагляднымъ образомъ убѣдилась въ существованіи живого обломка русскаго народа вдоль карпатскихъ горъ. Хотя въ многихъ появившихся брошюрахъ, книгахъ и газетныхъ статьяхъ обрисованы бурная русская жизнь, протекавшая въ этой странѣ, и героическая борьба за русскіе идеалы, участіе русскаго общества къ судьбѣ той земли еще до сихъ поръ болѣе чѣмъ равнодушно. Даже въ нынѣшній моментъ, когда многихъ русскихъ волнуетъ вопросъ о будущемъ Эльзасъ-Лотарингіи, Арменіи, Бельгіи и т. д., на столбцахъ русскихъ газетъ царитъ преступное молчаніе о судьбѣ Прикарпатской Руси. Съ одной стороны громкіи фразы о свободѣ, равенствѣ и человеколюбіи, съ другой же стороны полное забвеніе своихъ русскихъ, національныхъ интересовъ. Это, еще нынѣ господствующее, міросозерцаніе русской интеллигенціи нашло полное осужденіе въ стихотвореніяхъ Т. Г. Шевченка.

Нема на світі України

Нема другого Дніпра.

А ви претеса на чужину

Шукати доброго добра.

Добра святого, воли, воли,

Братерства братнього: нашли.

Несли, несли съ чужого поля

И въ Украину принесли

Великихъ слівъ, велику силу,

Тай більшъ ничего.

Безотрадное положеніе малорусскаго населенія. Это безотрадное положеніе малорусскаго населенія, въ особенности въ первую половину XIX ст., подъ русскимъ владычествомъ огмѣтилъ Ю. Венелинъ. „Высшее общество (понимаю образованное) несравненно малочисленнѣе у джанъ, нежели у сѣверянъ, ибо оно состоитъ большею частью изъ поляковъ, посему южане, если исключить Украину и Новороссію, не имѣютъ собственного литературнаго голоса; во всей южной и западной Руси вся Русь разжалована въ

крестьянство; вдоль и поперекъ все нѣмо и тихо между жителями; развѣ только, на вопросъ западнаго путника скажетъ крестьянинъ окрестностей Гродна, Бреста или Замостья, возвращающійся съ панщины, что онъ русинъ и что языкъ и вѣра его русская, не говоря уже о Волини, о Подольѣ. Чувствуя свое униженіе, для вжанина-русака нѣтъ славы, нѣтъ удовольствія въ его собственномъ имени, въ имени Русь. Это слово въ тѣхъ странахъ вѣками унижено до земли, и русинъ въ среднихъ и вѣсшихъ тамошнихъ обществахъ значить ничто иное, какъ только босый, бритоголовый рабъ. Какая отрада для него мирнаго земледѣльца, если прохоній солдатъ или ямщикъ, или даже русскій баринъ поназдѣвается надъ нимъ хохломъ, а собственный его панъ холопомъ? Онъ не возмываетъ матери родины своей по имени; онъ о ней знаетъ только по преданію, онъ даже не имѣетъ права назвать Русь своею матерью, — одни только поляки шумятъ о ней подъ именемъ отчизны... Русь отчизна поляковъ!¹⁾

Горе народа въ его пѣняхъ. Бездна разочарованія охватила малорусское населеніе послѣ присоединенія его къ Россіи. „Россія возвратила себѣ русскія земли, — писалъ въ 1870 г. Н. Костомаровъ²⁾, — сбылись завѣтные желанія многихъ поволнѣй и какъ страшно былъ обмануть, какъ поругать въ своихъ ожиданіяхъ этотъ бѣдный народъ, давній страдалецъ. Россія оставила его подъ ярмомъ тѣхъ же пановъ-лиховъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ и отъ которыхъ искалъ спасенія; и долго, долго суждено было ему терпѣть прежнюю долю. А какова была эта доля, явствуется изъ народной пѣсни, записанной Н. Костомаровымъ на Волини:

Наступила чорна хмара, настала щей сива
 Була Польша, була Польша, та стала Россія.
 Сынъ за батька не одбуде, а батько за сына!
 Живуть люде, живутъ люде, живутъ слободою;

¹⁾ Пынинъ. Исторія русской этнографіи III. гл. X.

²⁾ Н. И. Костомаровъ. Последніе годы Рѣчи-Посполитой Спб 1870. стр. 867—870.

И началъ экономя ругаться, да драться: зачѣмъ же вы, вражьи люди сноповъ не носите? А у нашего эконома шелковая обувь; плачуть, плачуть бѣдные люди, съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери—моль ярового хлѣба полторы копы, а озимаго—копу! Хоть какому мужику впору—все вымолотить, вывѣять и въ амбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавъ, въ карауль ступай! Пошли они въ шинокъ—дай, шинкарка, кварту: выпьемъ съ гори по стакану, а потомъ и въ карауль. Ходить попь по церкви, да книжку читать: отъ чего васъ, добрыхъ людей, въ церкви не бываетъ? Какъ же намъ, батюшка въ церковь то ходить: съ воскресенья до другого нужно молотить!¹²

Вотъ гдѣ—говорить Н. Костомаровъ,—настоящая исторія, правдивая исторія народной жизни, которая катилась незамѣтно для профессоровъ, академиковъ, членовъ историческихъ обществъ, исторія совсѣмъ несогласная съ тѣмъ, что мы слыхивали отъ нашихъ цитъ, риторовъ, педагоговъ. Намъ воспѣвали торжество вѣрнаго росса надъ кичливымъ лихомъ, а русскій народъ пѣлъ о томъ, какъ кичливый лихъ—экономъ билъ вѣрнаго росса-хлопа нагайками; намъ восхваляли мудрость, человеколюбіе и попечительность нашихъ властей въ такое то и такое время, а народъ пѣлъ, что отъ тяжкой, чужой, невольной работы, при горькомъ обѣдѣ у него облѣзла на рукахъ кожа; у его воловъ стерлась шерсть на шеѣ отъ неснимаемаго ярма. Въ насъ возбуждали патриотическое умиленіе при мысли о томъ, что русскій народъ, долго находившійся подъ гнетомъ Польши, воссоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ къ великой его радости, а этотъ русскій народъ говорилъ, что для него все равно—Россия-ли или Польша, словно двѣ тучи: „одна, черная, другая свѣзая“, солнце же для него еще не показывалось; насъ въ школахъ заставляли содрогаться при описаніяхъ гоненій и поруганій, какія чинили поляки надъ православною вѣрою, а народъ въ своихъ пѣсняхъ, никому, кромѣ его, невѣдомыхъ и непонятныхъ, за-

являлъ о томъ, что и теперь православныя церкви стоять пустыми, потому что паны-ляхи гонять его на работу въ воскресные дни. Такъ дѣлалось почти 70 лѣтъ въ имперіи, которая считалась русскою, православною и гордилась своею силою¹⁾.

Мечта о самостоятельной Малороссіи. При такихъ весьма тяжелыхъ обстоятельствахъ мысль, вполне естественно, возвращалась въ тѣ времена, когда народу было лучше, когда онъ проявилъ свою силу. Традиція казацкихъ войнъ, въ которыхъ малорусское населеніе обнаружило свои героическія усилія, жила въ памяти народной массы и въ его пѣсняхъ окружалась ореоломъ славы. Жаль за славнымъ прошлымъ переходить въ ненависть къ русскому правительству, которое умѣло только разорить очагъ народной славы, Запорожскую Сѣчь, но не принесло никакого реального облегченія. „Була Польша, була Польша, та стала Россія“, — пѣлъ народъ въ своихъ пѣсняхъ, а поэтъ, вышедшій изъ массы, истинный сынъ крестьянскаго горя, Тарасъ Шевченко, свою накопившуюся горечь направилъ противъ народнаго героя, Богдана Хмѣльницкаго, за то, что онъ продолжилъ путь къ объединенію Малороссіи съ Велико-россіей.

О, Богдане,
 Нерозумный сыну!
 Подивись теперь на матірь,
 На свою Украину,
 Що колишучи співала
 Про свою недолю,
 Що співаючи рыдала
 Выглядала волю...
 Ой, Богдане, Богданочку!
 Якъ бы була знала,—
 У колысці-бъ придушила,
 Підъ серцемъ приспала!
 Степи мої запродані.

¹⁾ Н. И. Костомаровъ. Последніе годы Рѣчи-Посполитой. Стр. 867—870.

Жидови, Німоті,—
Сыны мої на чужині
На чужій родині.

Надежды на скорое духовное объединеніе малорусской и великорусской вѣтвей не осуществились. Малорусское населеніе нашлось еще въ худшемъ положеніи и болѣе чутко чувствовало это горе, ибо оно имѣло право ожидать лучшей доли отъ русскаго правительства. Въ то время, когда великорусскіе патриоты ищутъ выхода изъ создавшагося положенія въ усвоеніи и осуществленіи либеральныхъ западно-европейскихъ идей, когда они совершенно потонули въ социализмъ и интернаціонализмъ, малороссы входятъ всею душою въ узкій, мѣстный малорусскій патриотизмъ. Малорусскіе поэты, скорбя за участь своего народа, обращаются къ нему, тщательно собираютъ его пѣсни и стараются усвоить рѣчь простонародья и ввести ее въ литературу. Сознавая вполне, что причина неутраднаго положенія кроется въ политическомъ режимѣ, они стараются разрушить существующій политическій строй. Въ 1846 г., Костомаровъ, Шевченко и Кулишъ образовали тайный панславистскій республиканскій кружокъ подъ им. Кирилло-Меодіевскаго братства и въ основу программы положили федерацію автономныхъ славянскихъ штатовъ. Въ программѣ этого братства отмѣчались такіе пункты, какъ уничтоженіе рабства во всѣхъ видахъ, упраздненіе сословныхъ преимуществъ, осуществленіе вѣротерпимости и религіозной свободы, свободы мысли и печатнаго слова. Въмѣсто того, чтобы разслѣдовать и устранить причины нарождающагося недовольства народной массы, русское правительство ограничилось преслѣдованіемъ основателей Кирилло-Меодіевскаго общества и предпochло борьбу съ украиннофильскимъ движеніемъ административнымъ порядкомъ, тюрьмой, ссылкой и запретомъ, наложеннымъ на малорусскую рѣчь. Такая политика правительства, конечно, не только не смогла подавить начавшееся движеніе, но наоборотъ, усилила и ускорила ходъ мысли о созданіи „само-

стійної України отъ Карпатъ до Кавказа". Кучка людей начала кипучую дѣятельность для подготовки матеріала подъ новое званіе „самостійної України". Подпискиваются всевозможныя доказательства для того, что малороссы составляютъ совершенно отдѣльный отъ великороссовъ народъ, и, вопреки настоящей дѣйствительности даже названіе „русскій" они пытаются замѣнить „украинскимъ". „Наши закордонні братья въ Россіи—пишетъ Л. Цегельскій—мусіли занехати имя „Русь" і „русьскій", а приняти имя „Украина", оби тымъ способомъ відріжнити ся від „руськихъ" (т. е. від москалівъ)¹⁾. Такимъ же часто политическимъ мотивомъ проф. Грушевскій оправдываетъ свою попытку въ этомъ направленіи. „Такъ какъ исторію древней Руси включили въ свои компіляціи московскіе компіляторы, то и на Украинѣ вслѣдъ затѣмъ привыкають смотрѣть на эту старую Русь, какъ на часть исторіи Москвы. Утрачено было въ связи съ этимъ и національное имя: послѣ нѣкоторыхъ колебаній въ терминологіи принимается для украинскаго народа имя „малороссійскаго", навѣрное отношеніями къ Московскому государству „Великой Россіи" и подъ „русскимъ, російскимъ" народомъ начинаютъ разумѣть не украинцевъ, какъ раньше, а великороссіинъ"²⁾.

Въ одноцѣльномъ, въ теченіе вѣковъ сложившемся русскомъ организмѣ, вслѣдствіе пренебрежительнаго отношенія русскаго правительства и образованнаго русскаго общества къ нуждамъ народныхъ массъ, образовалась серьезная трещина, которою воспользоваться незамедлили враги Россіи.

¹⁾ Л. Цегельскій. Звідки взяли ся і що значат назви „Русь" і „Украина"? Львовъ 1907, стр. 73.

²⁾ М. Грушевскій. Очеркъ исторіи украинскаго народа. Стр. 393.

III.

„Та мій (Мазепи) дух хоч Вами
клятий

Вічно бодрий, все завзятий

Не поляже і не умре

Аж Россію розідре!

Так на двоє, так на двоє

Москва тое,—а ми тое”

В. Пачовскій. Сфинкс Европы.

Стр. 18.

Польская ягайлонская идея и Малороссія.

Несмотря на трагическое падение польского государства, поляки не пали духомъ. Въ теченіе XIX и XX ст. они старались сверхъчеловѣческими усиліями возстановить свое государство въ предѣлахъ 1772 г., т. е. создать Польшу съ Литвой и Малороссіей. Польша отъ моря до моря была политическимъ идеаломъ поляковъ вплоть до нынѣшнихъ дней. Имп. Александръ I шелъ на встрѣчу ихъ желаніямъ, и только благодаря внимательству Карамзина, отказался отъ своихъ намѣреній включить все малорусскія земли въ составъ образованнаго на Вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго. Хотя въ административномъ отношеніи Малороссія принадлежала къ Россіи, однако, въ культурномъ отношеніи она всецѣло находилась подъ польскимъ вліяніемъ. Во время возстаній въ 1830 и 1863 г.г. поляки пытались даже поднять малорусское населеніе противъ Россіи, но и въ одномъ и другомъ случаяхъ ихъ попытки потерпѣли полную неудачу. Распространенныя „золотыя грамоты“ не имѣли успѣха, населеніе Малороссіи въ 1863 г. само принялось усмирять польскихъ повстанцевъ. Поляки, однако, не отказались отъ своей ягайлонской идеи и даже въ нынѣшнее время претендуютъ на малорусскія земли. 16 марта 1917 г. Временное Правительство издало воззваніе къ полякамъ, въ которомъ оно заявило, что считаетъ созданіе независимаго польскаго государства, образованнаго изъ всѣхъ земель, населенныхъ въ большинствѣ польскимъ народомъ, надеж-

нымъ залогомъ прочнаго мира въ будущей обновленной Европѣ". Въ отвѣтъ на это Варшавскій Государственный Совѣтъ (Rada Stanu) 24 марта 1917 г. въ своей деклараціи заявило слѣдующее: „Государственный Совѣтъ съ удовольствіемъ приветствуетъ фактъ признанія новымъ россійскимъ правительствомъ принципа независимости Польши. Но одновременно подчеркиваетъ, что вѣковой споръ польско-россійскій изъ-за пространныхъ областей, лежащихъ между этнографической Польшей и Россіей, по въ теченіе вѣковъ принадлежавшихъ Польшѣ, еще не оконченъ. Рѣшеніе этого вопроса онъ не можетъ предоставить Русскому Учредительному Собранію. Судьба этихъ земель должна рѣшиться въ пользу государственныхъ интересовъ Польши“.

Противъ такой постановки вопроса протестовалъ состоявшійся 6 апрѣля 1917 г. въ Кіевѣ украинскій съѣздъ: „Въ связи съ деклараціей польскаго Государственнаго Совѣта, какъ отвѣтомъ на воззваніе Временнаго Русскаго Правительства о союзѣ польскаго народа съ свободнымъ россійскимъ государствомъ, первый всенародный украинскій съѣздъ рѣшительно протестуетъ противъ всякихъ притязаній на непольскія земли. Украинскій народъ не потерпитъ никакихъ попытокъ къ захвату правъ на территорію Украины, пролитанной кровью и потомъ украинцевъ“. Всѣ эти факты, какъ изъ прошлаго такъ и настоящаго, указываютъ на то, что пропасть между Польшей и Малороссіей непроходима и только фантазеры могутъ еще мечтать о добровольномъ объединеніи малороссовъ съ поляками въ рамкахъ польскаго государства.

Сочувственное отношеніе поляковъ къ украинскому движенію.

Трезвые польскіе политическіе дѣятели уже послѣ восстанія въ 1863 г. учитывали это неблагоприятное для себя обстоятельство. Увидѣвъ, что всякія попытки втянуть малорусское населеніе въ колесницу ягайлонской идеи заранѣе обречены на не-

удачу, они для скорѣйшаго достиженія своей цѣли: возстановленія польскаго государства, старались воспользоваться недовольствомъ малороссовъ и разбить единство русскаго народа. Повстанческій генераль Мирославскій зывалъ къ единомышленникамъ полякамъ: „Вросимъ пожаръ и бомбы за Дибяръ и Доля въ сердце Россіи. Пускай оны уничтожить ее. Раздуемъ ненависть и споры въ русскомъ народѣ. Русскіе будутъ рвать себя собственными когтями, а мы будемъ расти и крѣпнуть“. Теорію разъединенія русскихъ отраслей обстоятельно развилъ польскій историкъ, Валеріанъ Калинка. „Между Польшей и Россіей живетъ народъ ни польскій ни русскій. Польша не воспользовалась въ свое время случаемъ, чтобы превратить его въ народъ польскій, вслѣдствіе слабаго воздѣйствія на малороссовъ польской культуры. Если полякъ во время своего господства и своей силы не успѣлъ привлечь къ себѣ малоросса и превратить его въ поляка, то тѣмъ менѣе можетъ онъ это сдѣлать нынѣ, когда онъ самъ слабъ; малороссъ теперь крѣпче прежняго, вслѣдствіе своего демократизма и разслабленія польской стихіи. Простой народъ не сознаетъ еще своей національности, но онъ не любитъ зляха, какъ своего господина, болѣе богатаго человека и исповѣдника иной, римской, вѣры. Просвѣщенные малороссы ненавидятъ зляха еще больше, чѣмъ простонародье, и въ этомъ нерасположеніи поддерживаютъ простой народъ. Всѣ малороссы подчинены нравственному вліянію Россіи, которая говоритъ похожимъ языкомъ и исповѣдываетъ ту же вѣру... Историческій процессъ, начавшійся при королѣ Казимирѣ, подвинутый впередъ Ядвигаю и закончившійся передвиженіемъ римскаго католицизма и западной цивилизаціи на двѣсти миль къ Востоку, проигралъ уже поляками. Какъ же защитить себя? Сознаніе „Украинской самостоятельности“, которымъ малороссы медленно начинаютъ проникаться, недостаточно, чтобы предохранить ихъ отъ неизбежнаго поглощенія Россіей. Если противодействующая сила поляка хра-

нятся въ его польской душѣ, то между душой малоросса и душой москаля нѣтъ основнаго различія. Поэтому, надо влить новую душу въ малоросса, — вотъ въ чемъ главная задача поляковъ. Эта душа да будетъ отъ Запада. Пусть малороссы своею душою соединяются съ западомъ и только внѣшнимъ церковнымъ обрядомъ съ Востокомъ. Тогда Россія отодвинется въ свои узкіе предѣлы великорусскаго племени, между тѣмъ, какъ на Днѣпрѣ, Донѣ и Черномъ Морѣ возникнетъ нѣчто другое. Тогда, быть можетъ, малорусская Украина возвратится къ братству съ Польшей противъ Россіи. А если бы это и не сбылось, въ такомъ случаѣ въ тысячу разъ лучше Малороссія самостоятельная, нежели Малороссія руссійская. „Если Гриць не можетъ быть моимъ, въ такомъ случаѣ пусть не будетъ ни моимъ ни твоимъ“. Изъ этого проистекаетъ для поляковъ указаніе: не только не препятствовать національному развитію самостоятельной Украины, но наоборотъ, всячески поддерживать украинскій сепаратизмъ и укрѣплять среди малороссовъ церковную унию съ Римомъ* 1).

Галичина — Пьемонтъ украинской идеи. Австрійское правительство всецѣло раздѣляло точку зрѣнія поляковъ на украинскій вопросъ и, конечно, въ этомъ отношеніи оказывало имъ поддержку. Съ образованіемъ двойственнаго союза между Австро-Венгріей и Германіей въ 1879 г., въ созданіи отдѣльнаго „украинскаго“ народа заинтересовалась также Германія. Въ тревожное время въ 1888 г., когда война между Австро-Венгріей и Германіей съ одной стороны и Россіей съ другой — казалась неизбежною, появилась статья нѣмецкаго философа Гартмана, вызвавшая сензацию въ политическихъ кругахъ Европы. Авторъ указывалъ на опасность, угрожающую центральной Европѣ со стороны Россіи: русскій колоссъ, по мнѣнію автора, слѣдуетъ разбить съ оружіемъ въ рукахъ, присоединить къ Германіи Литву, Жмудь,

1) A. Tarnowski. Ks. Waleryan Kalinka. Kraków. Przegląd 1887 str. 167—170.

Лифляндію и Курляндію, при Дибирѣ же надо образовать отдѣльное малорусское кievское королевство. Въ теченіе послѣднихъ 25 лѣтъ до начала нынѣшней войны, эта идея Гартмана тщательно обсуждалась нѣмецкими политическими дѣятелями. Проф. Самасса, въ своей рецензіи на книгу Гецша п. з. „Russland“, считалъ наилучшимъ средствомъ ослабленія Россіи образованіе маленькихъ славянскихъ государствъ на территоріи нынѣшней Россіи. Ему хотѣлось бы видѣть, кромѣ независимой Финляндіи, польское государство и „украинское“ королевство, великороссовъ же онъ предлагалъ отбѣсить въ предѣлы Азіи.

Галичина, какъ территорія, находящаяся въ предѣлахъ Австріи, представляла наилучшія условія для развитія идеи „самостійной Украины“. Туда перенесли свою дѣятельность главные корифеи украинифильскаго движенія изъ Россіи, какъ Куляшъ, Драгомановъ и, въ особенности М. Грушевскій, занимавшій съ 1894 г. кафедру исторіи въ Львовскомъ университетѣ. Хотя сторонники идеи независимой Украины заручились поддержкой поляковъ и австрійскаго правительства, все-таки въ своей работѣ нашли неожиданный отпоръ со стороны русскаго населенія Галичины. Лишь въ концѣ XIX ст. и въ началѣ XX ст. усилія поляковъ и австрійскаго правительства увѣнчались значительнымъ успѣхомъ. Часть галицко-русской интеллигенціи покинула стигъ единства русскаго народа и нынѣшняя война застала галицко-русскую интеллигенцію разбитую на двѣ враждебныя другъ другу партіи: русскую и украинскую. Изъ теоріи двухъ народностей въ Галичинѣ уже сдѣланы всевозможные выводы. Въ то время, когда одна часть русскихъ галичанъ, отстаивая принципъ единства русскаго народа, ожидала завершения дѣла Переяславльскаго Рады 1654 г. и объединенія подъяремной Руси съ Державной Русью, другая часть интеллигенціи ждала другого Богдана, который освободилъ бы не только Галичину, но и всю Малороссію изъ-подъ рос-

ратурѣ. Въ 1914 году во Львовѣ издано драматическое сочиненіе В. Пачовскаго „Сфінксъ Европы“, въ которомъ поэтъ ясно выражаетъ мысль, что создать „самостійную Украину“ возможно только съ помощью Германіи.

Для волі України тільки один шлях¹⁾,

Через Герман—в Славян ми все раби.

Поэтому, украинцамъ слѣдуетъ опереться только на германскую силу.

Німецька сила—стане за любов'¹⁾

Німецька сила—двинге волю нам!

Въ то время, когда всѣ либеральные круги русскаго общества съ симпатіей относились къ украинскому движенію, украинцы изъ Россіи совѣтовали галицкимъ „украинцамъ“ не рассчитывать на поддержку прогрессивныхъ русскихъ партій, такъ какъ украинцамъ не по пути съ русской демократіей. Въ 1913 году во Львовѣ Дм. Донцовъ²⁾ читалъ „украинской молодежи“ свой докладъ о грядущемъ кровавомъ столкновеніи въ Европѣ и высказалъ мнѣніе, что украинцамъ надо отказаться отъ мысли объ автономіи Украины въ предѣлахъ Россіи, и съ оружіемъ въ рукахъ надо стремиться къ созданію „самостійной Украины“. „Актуальним, більше реальним, більше конкретним і скорше здійснимим!—с гасло відірвання від Росії, зірвання великої злуки з нею,—політичний сепаратизмъ. Теперішній момент як найбільше сприяє спонтанній реалізації сепаратистичної програми. Якеж становище має зайняти українська нація в тім конфлікті, що збирається на нас? Як я вже сказав, одинокою, відповідаючою інтересам української нації програмою, є тепер—політичний сепаратизм. Тому, коли б ми тепер въ тій великій бурі, грокіт котрої вже ловить наше ухо, не канули усі наші сили якби-б малі вони не були—на сторону противників Росії, то був би злочин перед нашою нацією і її будучиною“.

¹⁾ В. Пачовскій. Сфінксъ Европы. Львовъ 1914, стр. 12—13.

²⁾ Дмитро Донцов. Сучасне політичне положення нації і наші завдання („Молода Україна“). Львовъ 1913, стр. 24.

Русское прогрессивное общество и украинское движение. Благодаря заботам австрийского правительства и поляков, и приливу украинских элементов из России, в Галиции в течение нескольких десятков лет приготовлялся резервуар для осуществления идеи „самостоятельной Украины“. Часть галицко-русской интеллигенции, самоотверженно отстаивавшая идею единства русского народа и сумевшая свою веру в эту идею запечатлеть тюремным заключением и смертью на вислицах, не только не находила нравственной поддержки в русском образованном обществе, но, как это ни странно, она подвергалась систематическому, безпощадному осуждению русских прогрессивных кругов, и чуть не была смешана с „черной сотней“. По своеобразно понимаемому либерализму, русские профессора и академики своим авторитетом поддерживали украинцев в их стремлениях. Русская Академия Наук, русские профессора, как Шахматов и прежде всего П. Н. Милков, оказали огромные услуги мечтателям о „самостоятельной Украине“.

Академия Наук по украинскому вопросу. Во время первой русской революции в 1905 году была образована комиссия Академии Наук по вопросу „объяснения стеснения малорусского печатного слова“. В ее состав вошли семь лиц: зоолог В. В. Залеский, археолог А. О. Ланно-Данилевский, ориенталист С. Ф. Ольденбург, ботаник А. С. Фаминцын, а также три специалиста по славянской или славяно-русской филологии: Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и Ф. Е. Корш. В составленной записке признается, что в 17 в. русский литературный язык наводнили особенности малорусской книжной речи, что „влияние малорусских писателей и ученых деятелей XVIII и XIX вв. на московскую образованность отразилось на русском литературном языке, и что „наносное малорусское произношение не чуждо языку Ломоносова и Сумарокова“. Однако, записка утверждает, что усилия великих русских писателей все более сближали книжный

языкъ съ народнымъ, и это направление уже въ концѣ 18 ст. и въ началѣ 19 ст. сдѣлало нашъ литературный языкъ вполне великорусскимъ, и нашу современную литературную рѣчь рѣчь образованныхъ классовъ и письменности, всѣхъ родовъ, должно признать вполне великорусскою⁴⁾. Итакъ, вышеупомянутая коммиссія Академіи Наукъ признала русскій литературный языкъ исключительно великорусскимъ языкомъ, слѣдовательно, она признала за малороссамъ право создать свою особую литературную рѣчь. Побѣда украинцевъ была, конечно, огромной. Вопросъ, конечно, не въ самой сути дѣла, но въ политическихъ послѣдствіяхъ этой записки, изданной русской Академіей Наукъ.

Въ наукѣ мнѣніе Шахматова или Корша не является чѣмъ то вѣчнымъ и неопровержимымъ. Ихъ мнѣнію можно противопоставить взглядъ цѣлаго ряда не менѣе авторитетныхъ русскихъ ученыхъ, напр. академика В. В. Ламанскаго, который утверждаетъ, что „русскій литературный языкъ по своему происхожденію и образованію, есть общее достояніе Великой, Малой и Бѣлой Руси; мысль о немъ, какъ будто онъ есть чисто великорусскій, есть мысль ложная“¹⁾.

Съ протестомъ противъ взглядовъ, выраженныхъ участниками коммиссіи, выступилъ извѣстный знатокъ по этому вопросу, академикъ А. И. Соболевскій. Вся суть вопроса не въ тѣхъ или другихъ взглядахъ Шахматова и Корша, но въ политическихъ послѣдствіяхъ изданія этой записки подъ фирмой русской Академіи Наукъ. Это обстоятельство даде сторонникамъ „самостійной Украины“ мощное оружіе для распространенія своихъ идей. Въ многихъ не только строго научныхъ, но и политическихъ украинскіяхъ брошюрахъ и газетахъ записка семи членовъ Русской Академіи Наукъ наводится какъ неопровержимое доказательство правильности украинской идеи. Когда въ 1914 году въ Львовѣ происходилъ извѣстный процессъ С. Ю. Бендасюка

¹⁾ Отечества. записки 1864. XI 187.

и тов., принявшій характеръ генеральнаго сраженія между двумя такъ ярко опредѣлившимися противоположными взглядами на единство русскаго народа, и когда въ этой борьбѣ русская идея одержала блестящую побѣду, разбивъ влухъ и прахъ аргументы всѣхъ украинскихъ свидѣтелей, тогда газета „Дѣло“ нашла возможнымъ спасти пошатнувшееся положеніе „украинской партіи“ вторичнымъ напечатаніемъ пресловутой записки Академіи Наукъ.

Министръ иностранныхъ дѣлъ П. Н. Миллюковъ и украинское движеніе.

Вторая русская революція въ 1917 году опять оказала украинскому сепаратизму, сверхъ ожиданія, огромныя услуги. Въ своей рѣчи, произнесенной 2 марта 1917 г., П. Н. Миллюковъ заявилъ слѣдующее.

„Быть можетъ, на этомъ посту (министра иностранныхъ дѣлъ) я окажусь и слабымъ министромъ“. Его предчувствіе вполне оправдалось, такъ какъ онъ, дѣйствительно, оказался очень плохимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ первомъ своемъ заявленіи о задачахъ русской иностранной политики, сдѣланномъ 9 марта 1917 г. представителямъ большой петроградской печати, онъ только слегка затронулъ вопросъ о судьбѣ Прикарпатской Руси, отмѣтивъ, что „украинцы“ въ Галичинѣ, если пожелаютъ, могутъ объединиться съ „украинцами“, заселяющими Россію. П. Н. Миллюковъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, передъ изумленнымъ міромъ подтвердилъ существованіе отдѣльнаго „украинскаго“ народа, однимъ своимъ словомъ онъ превратилъ Галицкую Русь съ ея тысячелѣтней исторіей въ Галицкую „украину“, русскому же населенію этой страны онъ навязалъ имя „украинцевъ“. Судьбу этой искони русской земли онъ поставилъ въ зависимость не отъ Россіи, но отъ „Украины“, избривъ попеченіе объ этой странѣ не русскому народу, но „украинцамъ“. Съ международной трибуны П. Н. Миллюковъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, раз-

билъ русскій народъ на два народа „русскій“ и „украинскій“.

Съ этого момента защитницей Галицкой Руси и Холмской Руси, по воле П. Н. Милюкова, сдѣлалась не Россія, но мифическая „Украина“!

Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно переиздать номера газеты „Холмская Русь“. 4 апрѣля 1917 г. состоялось въ Москвѣ общее собраніе уроженцевъ и дѣятелей Холмщины. По предложенію Н. П. Кобринна собраніемъ была послана слѣдующая телеграмма украинскому конгрессу, который долженъ былъ собраться 7—8 апрѣля с. г. въ Кіевѣ.

„Второе общее собраніе эвакуированныхъ въ Москву Холмчанъ проситъ васъ радостно приветствовать украинскій конгрессъ, собравшійся для объединенія всѣхъ украинскихъ земель и заявить ему о горячемъ желаніи Холмщины присоединиться къ всему украинскому народу. Холмщина всегда входила въ составъ земель Малой Россіи, жила одной жизнью съ соседними Волынью и Галичиной и до настоящаго времени сохранила свою русскую народность, свой вѣковой укладъ жизни и неповѣдуть единую со всей Русью православную вѣру. Временное обособленіе Холмщины отъ родственныхъ ей земель и включеніе ея на Винскомъ конгрессѣ въ составъ Царства Польскаго имѣло для ея религіозной, національной и культурной жизни весьма вредныя послѣдствія. Общее собраніе, непоколебимо убѣжденное въ томъ, что оставленіе крестьянской Холмщины за государственно-политической границей Руси въ предѣлахъ самостоятельной Польши неминуемо повлечетъ за собою полную религіозную, національную и общественно-экономическую гибель крестьянскихъ массъ Холмщины, настоятельно проситъ украинскій конгрессъ включить Холмщину въ составъ объединенныхъ украинскихъ земель.“¹⁾

Въ запискѣ о нуждахъ Холмщины, поданной министру внутреннихъ дѣлъ отъ имени общихъ собраній Холмчанъ въ Москвѣ 4 апрѣля 1917 года

¹⁾ Холмская Русь 1917, № 16—18.

сказано: „объявленный актъ Временнаго Правительства о независимости Польши не оговаривается ни однимъ словомъ о томъ, какая судьба постигнетъ Холмщину. По вопросу о національномъ самоопредѣленіи собраніями Холмщанъ приняты слѣдующія резолюціи. 1. Оставленіе Холмщины въ предѣлахъ Польши собраніе считаетъ недопустимымъ. 2. Признавая, что только органическое сліяніе Холмщины съ украинскимъ народомъ можетъ обезпечить ей возможность правильнаго политическаго и культурнаго развитія въ будущемъ—собраніе полагаетъ, что Холмщанѣ необходимо всецѣло слиться съ украинскимъ движеніемъ при условіи сохраненія нѣкоторыхъ особенностей ея жизни“. ¹⁾ Какъ надо понимать это „сліяніе съ украинскимъ движеніемъ“, редакція „Холмской Руси“ объясняетъ въ статьѣ свещ. П. Короли „Историческій путь Холмщины“. „Вступая на этотъ путь—пишетъ авторъ—органическаго сліянія съ Украиной, мы тѣмъ не менѣе далеки отъ тѣхъ крайностей охватившаго Украину движенія, которое проповѣдуетъ узкій сепаратизмъ и обособленіе отъ общерусской культуры. Усваивая себѣ то лучшее, что есть въ украинствѣ, мы не можемъ совершенно разобщаться съ той Великороссіей, которая и духовно и матеріально всегда поддерживала нашу окраину, не можемъ порывать связь съ тѣми цѣнностями общерусской культуры, которыя составляютъ въ одинаковой степени результатъ творчества какъ великорусскаго, такъ и малорусскаго племени.

Сливаясь съ Малороссіей, мы не подчеркиваемъ вражды къ Великороссіи, такъ какъ та и другая съ перваго момента своего соединенія были равноправными строительницами русской государственности, русской церковной жизни (достаточно напомнить роль малороссовъ въ исторіи русской церкви 17 и 18 в.) и русскаго языка“.²⁾

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Холмская Русь 1917 г. № 19.

Такимъ образомъ, Холмская Русь и Галицкая Русь, ради своего спасенія, забытыя на родной Россіи, ибо на галицкихъ поляхъ льется потоками русская кровь, но ея интеллигенціей съ П. Н. Милюковымъ во главѣ, насильственнымъ образомъ загнаны подъ украинскій стягъ, и нынѣ они ожидаютъ только отъ „Украины“ своего спасенія.

Вслѣдствіе заявленія П. Н. Милюкова украинское движеніе, имѣющее только внутреннее значеніе для Россіи, какъ бы по волшебному мановенію, превратилось въ международный факторъ, который долженъ рѣшать судьбу Зарубежной Руси и Холмской Руси.—И опять побѣда украинцевъ неслыханная, о которой они, можетъ быть, никогда даже не мечтали. Благодаря запискѣ Академіи Наукъ въ 1905 году и деклараціи П. Н. Милюкова, какъ министра иностранныхъ дѣлъ, признавшаго 9 марта 1917 г. съ международной трибуны, существованіе украинскаго народа, украинское движеніе получило головокругительное развитіе, послѣдствія котораго для будущаго всей Россіи и русскаго народа могутъ быть неисчислимы. На этотъ путь, проложенный П. Н. Милюковымъ, вступило также Временное Правительство въ полномъ своемъ составѣ и 16 іюня 1917 г. оно издало воззваніе къ „украинскому“ народу, начинающееся со словъ „граждане „украинцы““.

Предводители украинскаго движенія не замедлили воспользоваться благопріятными для себя обстоятельствами и начали энергичную дѣятельность съ цѣлью осуществленія идеала „самостійной Украины“.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вслѣдствіе ошибокъ Временнаго Правительства украинскій вопросъ вошелъ въ очень острый фазисъ своего развитія. Въ Малороссіи „Центральная Украинская Рада“ захватила всю власть въ свои руки. По ея почину возникли, „генеральный Секретаріатъ“, завѣдывающій дѣлами внутренними, финансовыми, продовольственными, земельными, сельско-хозяй-

ственными и т. д. въ предѣлахъ Малороссіи, дальше „войсковой генеральный комитетъ“; уже сформированы украинскіе полки, насчитывающіе, какъ это оказалось изъ приказа командующаго войсками кievскаго военнаго округа К. М. Оберучева,—свыше 50.000 штыковъ. Непосредственныя сношенія малороссійскаго населенія съ Временнымъ Правительствомъ прерваны. Подъ давленіемъ вышнихъ событій Временное Правительство въ началѣ іюля с. г. вынуждено было пойти на уступки, результатомъ которыхъ явилось вышнее отдѣльное украинское областное правительство. При такомъ положеніи вещей вышнее отдѣленіе Украины уже произошло захватимъ порядкомъ: весь аппаратъ государственной власти съ украинскимъ правительствомъ и отдѣльной украинской арміей уже имѣется налицо. Вся дальнейшая дѣятельность Украинской Центральной Рады заключается въ томъ, чтобы закрѣпить за собою приобретенныя права и выдвинуть украинскій вопросъ на международномъ конгрессѣ. Ихъ задача облегчена тѣмъ, что судьба Прикарпатской Руси и Холмщины передана исключительно въ руки „украинцевъ“. Они ловко использовали этотъ козырь и надо отдать справедливость, что во время русской революціи лишь украинцы нашли возможнымъ заботиться о Зарубежной Руси. Въ докладной запискѣ поданной Центральной Украинской Радой Временному Правительству и Совѣту Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ требуется „разрѣшить выѣздъ на родину тѣмъ зарубезнымъ украинцамъ, которые незаконно выслены изъ мѣстъ своего постоянного жительства, а также облегчить участь плѣнныхъ украинцевъ—галичанъ, размѣстивъ ихъ въ украинскіяхъ губерніяхъ“. Авторы записки указываютъ на то, что „необходимость поставить украинскій вопросъ на международномъ конгрессѣ въ связи съ судьбой Галичины и частей украинской территоріи, захваченной вѣмцами, заставляетъ сейчасъ принципиально рѣшить вопросъ объ участіи въ этой конференціи представителей украинскаго

народа, такъ какъ такое участіе требуетъ немедленно принять предварительныя мѣры относительно закордонной Украины".¹⁾

Украинскій крестьянскій съѣздъ 30 мая 1917 г. высказался за обязательное участіе представителей украинскаго народа на мирномъ международномъ конгрессѣ.²⁾ Удовлетвореніе этихъ требованій и участіе представителей „украинскаго народа“ въ совѣщаніяхъ международного конгресса, естественно, означало бы санкціонированіе существованія „украинскаго“ народа и явилось бы подтвержденіемъ окончательнаго распадешя русскаго народа на два народа: русскій и украинскій.

„Украинская Центральная Рада“ пока еще не порвала всѣхъ сношеній съ Россіей, какъ государствомъ. Она пока довольствуется національнымъ отдѣленіемъ малороссовъ (нынѣ „украинцевъ“) отъ великороссовъ, въ политическомъ же отношеніи она желаетъ видѣть всю Украину въ предѣлахъ „федеративной Россійской республики“. Въ „универсалѣ всеукраинской Рады“ сказано: „Не отдѣляясь отъ всей Россіи, не разрывая съ Россійскимъ государствомъ, пусть украинскій народъ на своей землѣ имѣетъ право самъ распоряжаться своей жизнью“. Но самъ Винниченко признаетъ, что существуетъ другое теченіе. „Началось наступленіе—говорилъ онъ 20 іюня 1917 г. на очередномъ объединенномъ засѣданіи исполнительныхъ комитетовъ — между тѣмъ—я не стану скрывать,—есть теченіе, которое стоитъ не только противъ наступленія, но которое считаетъ *болѣе выгоднымъ для Украины открыть фронтъ для пѣтцевъ*. Представители этого теченія говорятъ, что отъ Россіи Украина врядъ ли добьется того, чего она можетъ добиться въ томъ случаѣ, если Украина будетъ оккупирована. Примѣромъ служить Польша“.³⁾

¹⁾ Народная Воля, Кіевъ, 1917. № 25.

²⁾ Виржевыя Вѣдомости 1 іюля 1917.

³⁾ Русское слово 21 іюня 1917.

Одновременно, по ту сторону кордона германцами и австрийцами ведется оживленная пропаганда „самостійной Украины“. По сообщеніямъ вѣнскихъ газетъ, въ Холмщинѣ формируются украинскіе легіоны. Наборъ производится подъ лозунгомъ „независимая Украина во главѣ съ Кіевомъ и Львовомъ.“ Германскій штабъ восточнаго фронта предписалъ военнымъ властямъ оказывать всическое содѣйствіе. ¹⁾

Предсказанія Винниченко сбылись. Нынѣ фронтъ открытъ. Русскій народъ стануль передъ грознымъ вопросомъ о полномъ отдѣленіи Малороссіи отъ Россіи не только въ національномъ, но и политическомъ отношеніи. Вопросъ „быть или не быть“ Великой Россіи и единому русскому народу, еще никогда не былъ поставленъ въ столь грозномъ видѣ, какъ въ настоящее время.

Обнимите жѣ братья мои
Найменьшого брата,
Нехай мати усмѣхнется
Заплакана мати.

IV.

Общій взглядъ на украинскій вопросъ. Подвожу итоги всему изложенному. Малорусское населеніе въ теченіе вѣковъ считало и считаетъ себя русскимъ, а не „украинскимъ“. Стремленіе къ единенію въ рамкахъ одного государства, такъ ярко выразившееся въ постановленіяхъ Переяславльскій Ряды 1654 года, не потеряло своей силы вплоть до нынѣшнихъ дней, когда еще не освобожденная Прикарпатская Русь стихійно стремится къ объединенію съ Россіей подъ кличемъ „единой и нераздѣлимой Руси“. Къ сожалѣнію, русское правительство и русское образованное общество, увлеченное блескомъ западно-европейской культуры, уже съ конца 18 в.

¹⁾ Виржевыя Вѣдомости № 16308.

порвало связь съ народными низами и не только не использовало настроенія народной массы для духовнаго объединенія двухъ вѣтвей русскаго народа, но оно отдало въ жертву чужимъ интересамъ какъ малорусское, такъ великорусское населеніе. Въ теченіе 19 ст. Россія вела политику—какую угодно, назовемъ ее европейской или даже всемірной, но ни въ коемъ случаѣ—русскую. Русскій народъ потоками проливалъ свою кровь ради спасенія Европы отъ ига Наполеона, для поддержки династическихъ интересовъ Габсбургговъ. Благодаря Россіи, въ теченіе 19 ст., возникъ цѣлый рядъ маленькихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ, а въ то же время родная русская земля, Прикарпатская Русь, оставлена была Россіей на произволъ судьбы и изнемогала въ неравной борьбѣ за русскіе идеалы.—Провозгласивъ въ внутренней политикѣ господство „официальной русской народности“, русское правительство отдало власть всѣмъ, кромѣ русскихъ, и малорусское населеніе, тяготѣвшее къ Россіи, очутилось подъ властью поляковъ и вѣмцевъ. Наслѣдіе стараго режима дѣйствовало даже въ свѣтлыя минуты русской революціи. Мы знаемъ, что первые члены Временнаго Правительства хотѣли видѣть русскую революцію народной, но они не сдѣлали ничего для того, чтобы революціонное движеніе вошло въ національное русло. Провозгласивъ независимость Польши, автономію Финляндіи, Временное Правительство въ то же время упустило съ виду русскіе интересы, забывъ провозгласить объединеніе всего русскаго народа. Вскорѣ Петроградъ обнаружилъ свое интернаціональное лицо. Формула „миръ безъ аннексій и контрибуцій на основаніи самоопредѣленія національностей“ до сихъ поръ не наполнена содержаниемъ съ русской точки зрѣнія. Въ петроградскихъ газетахъ обстоятельно обсуждалась судьба Эльзасъ-Лотарингіи, появлялись громоздкія статьи п. в. „Освободите Индію“, но напрасно мы искали бы статьи п. в. „Освободите Прикарпатскую Русь“. При такихъ обстоятельствахъ, естественно, выросла

глухая стѣна между русскимъ народомъ и правительствомъ. Недовольство это вылилось у великороссовъ въ формѣ интернаціонализма, изъ которой-то теоріи послѣдній выводъ сдѣлалъ Ленинъ, у малороссовъ же въ видѣ узкаго малорусскаго или „украинскаго“ націонализма, выразителемъ котораго является М. Грушевскій.—Великорусскіе интернаціоналисты при встрѣчѣ работѣ М. Грушевскаго и въ бурное время русской жизни въ 1905 и 1917 гг. посредствомъ Русской Академіи Наукъ и министерства иностранныхъ дѣлъ провозгласили существованіе „украинскаго“ народа. Всѣ великороссы прекрасно знаютъ, что Малороссія или „Украина“ отъ Карпатъ до Кавказа съ плодороднымъ черноземомъ, съ богатымъ Донецкимъ бассейномъ, съ плотнымъ населеніемъ и выходомъ въ Черное море велико-дѣльно можетъ существовать какъ самостоятельное государство безъ Великороссіи, но что послѣдняя съ своимъ 80-милліоннымъ населеніемъ, загнанная въ Сибирь и тундры, отрѣзанная отъ Чернаго моря и прижатая къ берегамъ Ледовитаго Океана, не можетъ обойтись безъ Малороссіи. Несмотря на все это, они сами отталкиваютъ отъ себя малорусское населеніе, приказываютъ ему замѣнить имя „русскій“ „украинскимъ“ и, слѣдовательно, стремиться къ политическому отдѣленію отъ Россіи, хотя само населеніе Малороссіи стремится къ единенію съ великороссами. Больше диконниного и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе трагическаго явленія, поистинѣ, не знаетъ исторія всего міра. Неудивительно, что великорусскій интернаціонализмъ и „украинскій“ націонализмъ, встрѣтившись съ собою во время революціи на реальной почвѣ, не нашли общаго языка, наоборотъ, между ними произошелъ полный разрывъ. На всеукраинскомъ крестьянскомъ съѣздѣ въ Кіевѣ 29 мая с. г. докладчикъ, членъ делегаціи Одисецъ, между прочимъ, заявилъ: „На Петроградъ, на эту лужу, гдѣ лежитъ много костей нашего народа, намъ надѣяться нечего. Надо организоваться: эта организованность дастъ намъ автономію“¹⁾).

¹⁾ Русское Слово 1 Юня 1917 г.

Спасеніе Россіи—въ возвратѣ къ русской народности. Но дѣйствительно ли положеніе Россіи въ нынѣшнее время настолько безнадежно, что слѣдуетъ примириться съ возможностью отдѣленія Малороссіи и поставить крестъ надъ великой Россіей? Развѣ уже исчерпаны все средства, могущія предотвратить надвигающуюся катастрофу надъ русскимъ народомъ?

Еще въ 1860 г. И. С. Аксаковъ писалъ: «Самый важный ростъ Россіи, самое ее могущество не такъ странно Европѣ, сколько пробужденіе въ русскихъ людяхъ народнаго самосознанія: могущество Россіи не однажды было употреблено западною Европою въ пользу себѣ, не однажды служило оно интересамъ иноземнымъ въ ущербъ интересамъ русскимъ. Всего сильнѣе опасается Европа нашего внутренняго выздоровленія, цѣльности нашего духовнаго организма. Всего нежелательнѣе ей, чтобы мы стали наконецъ нами самими. Проявленіе самобытной русской духовной творческой силы—по мнѣнію Европы—опаснѣе для ее духовнаго и политическаго владычества, чѣмъ милліоны вооруженнаго русскаго воинства. Не нѣмецкій нѣмецъ намъ опасенъ, а нѣмецъ, что сидитъ въ душѣ всякаго „образованнаго русскаго“¹⁾).

Исцѣленіе отъ тяжкаго недуга можно найти не столько въ западно-европейскихъ идеяхъ, сколько въ русской народной средѣ. Только здравый инстинктъ, дремучій въ народныхъ русскихъ низахъ, можетъ вывести Россію изъ того тупика, въ который въ нынѣшнее время ее втянули разные теоретики въ лицѣ Ленина и Грушевскаго. Пора обрѣсти самого себя, какъ съ внѣшней, такъ и внутренней стороны.

а) **Национальное русское знамя.** Красный флагъ имѣетъ уже свое интернаціональное и социаль-революціонное символическое значеніе. Это—знакъ опасности, пожара, крови и переворота. Такъ какъ революція является необходимой хирургической операцией большаго государственнаго организма, ее сим-

¹⁾ Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова.

вожь,—красное знамя,—въ моментъ революціи должно объединять всѣхъ. Нынѣ русская революція уже кончилась, ибо цѣль ея—испроверженіе стараго режима уже достигнута. Теперь, когда предстоитъ мирное строительство и созиданіе общерусскаго дома, красное знамя должно уступить свое мѣсто національному русскому флагу. Это уже случилось въ Кіевѣ, гдѣ красные флаги замѣнены, правда, національными, но только украинскими, желто-голубыми, символизирующими единую Украину отъ Карпатъ до Кавказа. Узкому „украинскому“ націонализму пора уже противопоставить русской націонализмъ и высоко поднять общерусское знамя — цвѣтокъ—краснаго, синяго и бѣлаго,—знамя единства Руси.

б) Освобожденіе Прикарпатской Руси—дѣло всего русскаго народа. Въ маѣ с. г. въ французскомъ сенатѣ Рибо сказалъ: „Безъ аннексій не можетъ означать, что мы не имѣемъ права требовать того, что намъ принадлежитъ, т. е. Эльзась-Лотарингію, которая не перестала быть душою французской со времени гнуснаго акта, коимъ были осквернены справедливость и право въ 1871 году. Ни одинъ французъ не будетъ настолько подлъ, чтобы согласиться на прекращеніе войны раньше, чѣмъ эти двѣ провинціи вернутся на лоно матери—родины“. Подобно тому, какъ вся республиканская Франція заинтересована въ судьбѣ Эльзась-Лотарингіи, такъ весь русскій народъ (великороссы, бѣлороссы и малороссы) не можетъ равнодушно относиться къ судьбѣ Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси), въ теченіе вѣковъ ожидающей своего освобожденія. На галицкихъ поляхъ свою кровь проливаютъ не только малороссы, но и великороссы и бѣлороссы, слѣдовательно, судьбу зарубежной Руси должны рѣшать не только „украинцы“, какъ это себѣ представляетъ П. Н. Милуковъ, но весь русскій народъ.

Народныя массы должны знать, за что они проливаютъ кровь, и его предводители обязаны

громко заявить всему міру: „Безъ аннексіи—не можетъ означать, что мы не имѣемъ права требовать того, что намъ принадлежитъ, т. е. Прикарпатской Руси (Галичины, Буковины и Угорской Руси), которая не перестала быть душою русской со времени гнуснаго акта, коимъ были осквернены справедливость и право въ 1340 и 1772 гг. Ни одинъ русскій не будетъ настолько подлъ, чтобы согласиться на прекращеніе войны ранѣе, чѣмъ эти провинціи вернутся на лоно матери—родины“.

в) **Переносъ столицы въ Кіевъ.** „мать русскихъ городов“⁴. Общеизвѣстный фактъ, что средоточіе государственной власти оказываетъ свое чрезвычайное вліяніе на ходъ дѣлъ во всей странѣ, потому что въ это мѣсто собираются люди со всѣхъ концовъ и изъ этого центра исходятъ множество отношеній, вліяющихъ на весь бытъ страны. Петръ В., перенося столицу изъ Москвы въ Петербургъ, имѣлъ въ виду сблизить Россію съ западной Европой и отъ нея взять все то, что нужно русскому народу для его успѣшнаго развитія. Исторія горькимъ смѣхомъ посмѣялась надъ великимъ создателемъ русскаго государства. Западно-европейскія вліянія вызвали полный разладъ въ русской народной душѣ. „Петербургъ съ своимъ нѣмецкимъ названіемъ русской столицы—писалъ Н. С. Аксаковъ—и понѣмъ живое выраженіе отрицанія—родоначальникъ того отрицательнаго отношенія къ русской народности и ея духовнымъ жизненнымъ основамъ, въ которомъ со времени Петра В. развиваются у насъ преимущественно поколѣнія, и которое, наконецъ, охватило, отравило всѣ стороны нашего духа... Многие ставятъ въ достоинство Петербургу, именно то, что онъ чуждъ всякой національности и выражаетъ собою отвлеченную идею государства, свободную отъ всякой исключительности, но нужно-ли говорить, что подобное государство, выражающее собою одну отвлеченную идею государственности, никакой внутренней жизни, и силы имѣть не можетъ, напротивъ, мертвить всякую жизнь и силу, а само становится трупомъ...“

Петербургъ есть передовой человекъ жи, при-
сущей нашему общественному развитію. Всякая ложь
имѣетъ два исхода: или развиваясь логически до
нелѣпности, — самоубійство, или же при нравственной
реакціи, — самоотреченіе¹⁾). Въ началѣ нынѣшней
войны Петербургъ совершилъ самоубійство, пере-
именовавъ себя въ „Петроградъ“.

Петербургскій періодъ русской исторіи надо
считать завершившимся и въ настоящее время,
когда передъ нами новая эпоха не только въ разви-
тіи русскаго народа, но и всего человѣчества, слѣ-
дуетъ переимѣнить центръ русской жизни. Гдѣ дол-
жна быть столица обновленнаго русскаго государства?
„Для созданія великой Россіи, по мнѣнію П. В.
Струве, есть только одинъ путь: направить всѣ си-
лы на ту область, которая дѣйствительно доступна
реальному вліянію русской культуры. Эта область
— весь бассейнъ Чернаго моря, т. е. всѣ европей-
скія и азіатскія страны, выходящія къ Черному
морю. Здѣсь для нашего неоспоримаго хозяйствен-
наго и экономическаго господства есть настоящій
базисъ: люди, каменный уголь и желѣзо. На этомъ
реальномъ базисѣ, и только на немъ — неустанною
культурною работою, которая во всѣхъ направлені-
яхъ должна быть поддержана государствомъ, можетъ
быть создана экономически могучая великая Россія.
Она должна явиться не выдумкой реакціонныхъ по-
литиковъ и честолюбивыхъ адмираловъ, а созданіемъ
народнаго труда, свободнаго и въ то же время дисци-
плинированнаго. Въ послѣднюю эпоху нашего даль-
невосточнаго расширенія мы поддерживали экономи-
ческую жизнь юга отчасти нашими восточными
предпріятіями. Отношеніе должно быть совершенно
иное. Нашъ югъ долженъ излучать по всей Россіи
богатство и трудовую энергію. Изъ черноморскаго
побережья мы должны экономически завоевать и
наши собственные тихоокеанскія владѣнія²⁾). Эконо-
мическія отношенія Россіи повелительно требуютъ

¹⁾ Собраніе сочиненій И. С. Аксакова, т. II, стр. 671.

²⁾ П. В. Струве. *Patriotica* стр. 302.

передвинуть столицу Россіи къ югу. Изъ важно-русскихъ городовъ только Кіевъ, какъ по своимъ историческимъ, такъ по политическимъ соображеніямъ, можетъ быть столицей Россійскаго государства. На это обстоятельство еще въ 1862 году обратилъ вниманіе неизвѣстный авторъ статьи „Замѣтка о хозяйственномъ положеніи Россіи“, напечатанной въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за сентябрь 1862 года. „Будетъ ли когда исправлена ошибка, сдѣланная Петромъ? „Будетъ ли когда средоточіе правительственной дѣятельности перенесено изъ нидерландскихъ болотъ въ страны болѣе плодородныя, напримѣръ, въ Кіевъ?“ Указанныя этимъ авторомъ выгоды въ случаѣ переноса столицы въ Кіевъ вполне соответствуютъ требованіямъ нынѣшняго момента и ближайшаго будущаго Россіи. „1) Западныя, возвращенныя отъ Польши губерніи скрѣпились бы неразрывными узами съ остальными частями государства; 2) Россія сблизилась бы съ южно-славянскими племенами; 3) Южная полоса имперіи воскресла бы къ новой жизни, отъ перенесенія тяжести на югъ, Россія сдѣлалась бы болѣе и самостоятельнѣе“.

г) **Областная автономія.** Единство русскаго народа нельзя отождествлять съ единствомъ государства въ смыслѣ централизаціи. Нынѣшняя война и, въ особенности, революція разбудили народныя массы въ Россіи къ новой жизни. При огромномъ пространствѣ, занимаемомъ Россіей, предстоящая задача: привлечь народную массу къ культурной работѣ, — не легка. Она осуществима только при условіи проведенія въ жизнь принципа автономіи въ областяхъ Россійскаго государства. „При огромной величинѣ своей и огромномъ разнообразіи мѣстныхъ условій — говорилъ на съѣздѣ партіи народной свободы Ф. Ф. Коконкинъ, — Россія не можетъ управляться всею изъ центра. Ей необходимо широкое развитіе мѣстнаго самоуправленія и децентрализаціи законодательства. Право автономіи должно быть предоставлено существующимъ территоріальнымъ единицамъ, губерніямъ и областямъ, съ правомъ издаванія мѣстныхъ зако-

новъ". Такую точку зрѣнія разделяетъ Н. В. Некрасовъ: „Временное Правительство должно стоять на точкѣ зрѣнія децентрализаціи законодательства: нельзя, сидя въ Петроградѣ, создавать законы для всей обширной и разноплеменной Россіи“¹⁾).

Ключъ объ автономіи до сихъ поръ, къ сожалѣнію, идетъ параллельно съ идеей національнаго самоопредѣленія, а не сообразно различію мѣстныхъ условій. Опираясь на этотъ принципъ Финляндія и Украина предъявили уже широкія требованія и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, захватнымъ порядкомъ уже осуществили значительную часть своей политической программы. Предводители украинскаго движенія требуютъ автономіи для всей „Украины“, т. е. Малороссіи на территоріи въ 513.000 кв. верстъ съ 30 милліоннымъ населеніемъ. По докладу Садовскаго, прочитанному 7 апрѣля с. г. на украинскомъ съѣздѣ, западную границу автономной Украины должны составлять Люблинская, Гродненская губ., юго-восточную—Кубань, сѣверную—Припять, южную же—Азовское и Черное моря. Автономная Украина, по этому проекту, занимала бы почти такое же пространство, какъ Австро-Венгрія (594.000 кв. верстъ при 51 мил. населенія).

При разнообразіи историческихъ и экономическихъ отношеній такая автономія не была бы децентрализаціей, необходимость которой диктуется желаніемъ втянуть массу населенія въ культурно-политическую жизнь, воспитать ее и развернуть всѣ силы.

Поэтому, для Россіи необходима областная автономія, которая, однако, не должна служить исключительно средствомъ національнаго самоопредѣленія, но политически всесторонне воспитать и развить народныя массы.

Народная работа на широкихъ демократическихъ началахъ.

„Солонья баснями не кормятъ“—говорить пословица. Высшія мѣры, обозначающія поворотъ Россіи къ родной нивѣ, какъ національный флагъ,

¹⁾ Бирж. Вѣдом. № 16314.

переносъ столицы и т. д., еще не удовлетворительны. Вслѣдъ за нѣшнимъ преобразованиемъ русской жизни должна идти интенсивная народная работа подъ руководствомъ патристически настроенной русской интеллигенціи. Для такой дѣятельности уже подготовлена почва.

Война и революція сблизили народные низы съ русской интеллигенціей и, по крайней мѣрѣ механически, объединили ихъ въ одно цѣлое. Правда, въ этомъ совершающемся нынѣ сліянніи верховъ и низовъ еще много треній, еще много взаимнаго непониманія и недоверія, ведущаго къ прискорбнымъ явленіямъ, но фактъ происходящаго сліянія всѣхъ слоевъ общества въ одно цѣлое уже не подлежитъ никакому сомнѣнію. Всѣ социальныя, искусственныя перегородки сметены революціей, на арену выступилъ весь русскій народъ. Передъ русской интеллигенціей раскрылись теперь новые горизонты, повелевающіе ей бросить лозунги интернаціонализма и подъ національнымъ флагомъ, своимъ упорнымъ и самоотверженнымъ трудомъ, вести народныя массы къ солнцу правды и добра.

Я увѣренъ, что само слово „націонализмъ“ можетъ испугать не одного русского интеллигента. Понятіе націонализма въ его умѣросло съ контрреволюціей, съ угнетеніемъ не русскихъ національностей, съ разрывомъ съ западно-европейской культурой и, наконецъ, съ измѣной общечеловѣческимъ началамъ. Всѣ эти опасенія лишены всякаго основанія. Старый режимъ, какъ карточный домикъ, уже рухнулъ безповоротно и о возвратѣ къ кошмарному прошлому можетъ думать или безумецъ или настоящій злодѣй. Всѣ народы, заселяющіе Россію, уже самоопредѣлились и получили всѣ условія для своего развитія. Національные польскіе, латышскіе, эстонскіе, финскіе и т. д. флаги уже давно замѣнили революціонное красное знамя. Они уже съ начала революціи ведутъ энергичную народную работу. Только русскій народъ еще до сихъ поръ не самоопредѣлился и топчется на одномъ мѣстѣ въ атмосферѣ

туманныхъ интернаціональныхъ идей. Развѣ то, что дозволительно для поляковъ, эстонцевъ, литовцевъ, финновъ, украинцевъ и т. д., недопустимо только для русскаго народа? Развѣ только русскій народъ какъ таковой не имѣетъ права развиваться и жить?!

Точное изученіе западно-европейской культуры можетъ привести только къ такимъ заключеніямъ, до которыхъ дошелъ П. В. Струве.

„Я западникъ и потому—націоналистъ.

Я западникъ и потому—государственникъ.“¹⁾

Что истинный націонализмъ не противорѣчитъ общечеловѣческимъ идеаламъ, достаточно навести взглядъ Эдуарда Бернштейна, германскаго социал-демократа и ревизиониста, принадлежащаго къ группѣ Карла Либкнехта. Въ своей недавно издавшей книгѣ „Socialdemokratische Völkerpolitik“ онъ считаетъ невозможнымъ совершенно отрицать національное чувство и становится на космополитическую точку зрѣнія. По его мнѣнію, національное чувство и любовь къ родинѣ будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока будутъ въ мірѣ существовать различія въ языкѣ, въ климатѣ, въ правахъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ, и поскольку патриотизмъ не вырождается въ страсть къ господству надъ другими народами, постольку онъ вполне совместимъ съ идеалами международной демократіи.

Націонализмъ въ нашемъ пониманіи не слѣдуетъ, конечно, смѣшивать съ прежнимъ „официальнымъ націонализмомъ“. „Націонализмъ можетъ быть подлинной силой—говоритъ П. В. Струве—только тамъ, гдѣ онъ опирается на самостоятельность широкихъ народныхъ массъ.

Не политическій эмигрантъ, аристократъ или мечтательный интеллигентъ, не помощникъ—депутатъ, а дѣловитый кооператоръ, работающій въ массахъ, организаторъ въ Познани польскую народную

¹⁾ П. В. Струве. Споръ съ Д. С. Мережковскимъ. *Patriotica* стр. 116.

силу. До тѣхъ поръ, пока главнымъ дѣятеземъ русской культуры въ западномъ краѣ, задающимъ ей тонъ, будетъ помѣщикъ—чиновникъ—русская культура, какъ бы ее не охраняли, будетъ страдать внутренней слабостью. Охранять и ширить національную культуру въ современныхъ условіяхъ экономической и политической жизни можетъ только народъ¹⁾. И такъ, къ народной работѣ въ первую очередь призванъ учитель, деревенскій священникъ и дѣловитый кооператоръ. Взглядъ на этотъ вопросъ Т. Г. Шевченка пмыѣ не можетъ, какъ до сихъ поръ, ограничиться только стихами, но долженъ облечься въ конкретную форму.

Обнимите-жъ, братья мои
 Найменьшого брата,
 Нехай мати усміхнется
 Заплакана мати.

Вотъ мѣры, ведущія къ успѣшной борьбѣ съ украинскимъ сепаратизмомъ и великорусскимъ интернаціонализмомъ. Успѣхъ ихъ вполне обезпеченъ. Витавщій надъ нашими головами призракъ отпаденія Малороссіи отъ Россіи и раздробленія великаго тринаднаго русскаго народа исчезнетъ какъ дымъ, и „скорѣе Днѣпръ потечетъ вспять, чѣмъ поколеблется созданное вѣками народное русское единство“.

¹⁾ П. В. Струве. *Patriotica* стр. 302.